

ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА... ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА... ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА...

МАРШРУТЫ ПАМЯТИ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

СБОРНИК СТАТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ, СТУДЕНТОВ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПАМЯТИ
ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Омское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Российское историко-просветительское,
правозащитное общество «МЕМОРИАЛ»

МАРШРУТЫ ПАМЯТИ

от ПРОШЛОГО к БУДУЩЕМУ

*Сборник статей школьников, студентов,
преподавателей, посвященных памяти жертв
политических репрессий*

Омск
2016

УДК 63.3(2)615-4
ББК 316.4.063.7
М16

300-летию
Омска посвящается

Рецензенты:

*С.Г. Сизов, доктор истор. наук, профессор (СибАДА),
А.В. Жидченко, канд. истор. наук (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского)*

М16 **МАРШРУТЫ ПАМЯТИ: от прошлого к будущему:** сборник статей школьников, студентов, преподавателей V областного конкурса «Память о прошлом – путь к будущему», посвященных памяти жертв политических репрессий / под. ред. Н.А. Левочкиной. – Омск : Изд-во ИП Загурский С.Б., 2016. – 96 с., ил.

ISBN 978-5-903118-68-7

В сборнике представлены статьи школьников, студентов, преподавателей Омской области – участников областных конкурсов 2014–2015 гг. «Память о прошлом – путь к будущему», в которых на основе архивных материалов, устных опросов, газетных публикаций, личных фотографий рассказывается о судьбах репрессированных, членов их семей, тесно связанных с Омским регионом. В работах представлен взгляд современного молодого поколения на историческое прошлое их дедов и прадедов, воспоминания старшего поколения и методические разработки учителей средних общеобразовательных школ.

Для широкого круга читателей.

УДК 63.3(2)615-4
ББК 316.4.063.7

Проект осуществляется на средства гранта, предоставленного Администрацией города Омска в рамках ежегодного конкурса среди некоммерческих организаций по разработке и выполнению общественно полезных проектов на территории города Омска.

ISBN 978-5-903118-68-7

© Левочкина Н. А., текст, 2016
© Омское отделение «Мемориал», 2016
© Оформление. ИП Загурский С.Б., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Память священна	4
РАЗДЕЛ 1. ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ: СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ	5
<i>Дорошенко Н.</i> Приговор один для всех	5
<i>Сорокина Ю.</i> Политические репрессии в Омской области	8
<i>Забусова Д.С.</i> Враг народа – Аким Чуянов	14
<i>Миезис А. К.</i> Судьба моей семьи в истории моей страны	22
<i>Джанаралиева Л.Т.</i> Наказанный народ или операция «Чечевица»	25
РАЗДЕЛ 2. ПО МЕСТАМ ПАМЯТИ МОЕЙ	32
<i>Шевченко П.</i> Судьбы депортированных народов в истории моего села	32
<i>Мясникова А.С.</i> Судьбы репрессированных жителей Колосовского района Омской области	40
<i>Демиденко И.</i> Два сердца: из истории села ГОРТОП	47
<i>Гуралюк Е.С.</i> Страницы жизни бабы Ани	50
РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА В ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ	53
<i>Гуралюк Е. В.</i> Сталин: гений или злодей?	53
<i>Кузнецова Н.В.</i> Чтобы помнили	56
<i>Гоношилов В.</i> Загваздино	58
<i>Безделева М.В.</i> Жизнь, отданная за Христа	59
<i>Толкачев Д. В.</i> Жизненный парадокс	64
РАЗДЕЛ 4. ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ	67
<i>Тихонов А.А.</i> Памяти жертв политических репрессий посвящается	67
<i>Ермалюк А.Е.</i> Книга, способная рассказать	72
<i>Ярошевская С.Э.</i> Возвращенные имена	75
<i>Есина М.В.</i> Забвению не подлежит	83
Приложения	93

ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА

В настоящее время проблемы патриотического и духовно-нравственного воспитания становятся важным компонентом государственной, в том числе молодежной политики. Без любви к отечеству, уважению к родной культуре и традициям, без знания истории невозможно построение государственной национальной политики и формирование стратегии развития государства в целом. Особую важность представляет накопление, систематизация и популяризация культурно-исторической памяти через изучение истории родного края, локальной истории, истории героических и трагических судеб своего народа, своих родных. Одним из направлений исторического прошлого является история политических репрессий и отдельные аспекты социальной памяти и ее мемориализации. В связи с актуальностью данной проблематики основными направлениями данной работы стали: молодежный взгляд на историю своей малой родины сквозь призму семейной биографии; трагическая история страны через историю семьи; вопросы социальной памяти в региональном, национальном, историческом, научно-методическом контекстах; философско-исторические размышления представителей среднего и старшего поколения омичей и жителей Омской области.

Фото 1. Балабанов В.В. и члены Правления ОРООО «Мемориал», круглый стол в честь 25-летия деятельности (октябрь 2013 г., ОГНБ им. А.С. Пушкина)

Безусловно, активизация научной, популяризаторской деятельности омского «Мемориала» в вопросах изучения истории политических репрессий стала возможной благодаря проведению областных конкурсов «Память о прошлом – путь к будущему» (прил. 1), участию школьников, студентов и их научных руководителей, преподавателей школ, колледжей, вузов и поддержке проекта «Память священна» со стороны Администрации города Омска, Правительства Омской области.

К 300-летию города Омска компания «Продвижение» АКМЭ подготовила проект «Удивительное рядом. Омская версия», руководитель – П.П. Паутов. С 19 сентября 2015 года шла подготовка телепередачи «Омск репрессированный» и 30 октября в течение часа проходил конкурс на знание исторических событий по этой теме. В передаче принимали участие эксперты-историки: члены жюри, доценты, кандидаты исторических наук Н.А. Левочкина, В.Б. Яшин; профессор, доктор исторических наук С.Г. Сизов и музеолог, общественный деятель Т.П. Мордкович. В конце передачи Н.А. Левочкина озвучила инициативу установки

мемориальной доски выдающемуся ученому историку-востоковеду, реабилитированному Льву Николаевичу Гумилеву на здании Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (6 корпус, ул. Лицкевича, 1), расположенном на месте бараков политических заключенных, где отбывал срок великий ученый. Идею поддержали. На заседании Правления общества «Мемориал» его членами было принято также решение о подготовке соответствующих документов для их согласования с органами власти (Протокол № 9 от 5 ноября 2015 года).

Историю, мой друг, нельзя остановить;

тем более нельзя историю забыть!

Забыв свое «вчера» – предашь грядущий день.

Память – самое дорогое, что есть в сердцах людей. В жизни бывают моменты, которые невозможно вспоминать без слез...

РАЗДЕЛ 1. ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ: СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ

ПРИГОВОР ДЛЯ ВСЕХ ОДИН

*Дорошенко Н.,
студент БПОУ ОО ОПЭК, группа БХ1-35*

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.

А. Ахматова, отрывок из поэмы «Реквием».

В истории нашей страны происходили и происходят события, за которые испытываешь чувство гордости, чувства патриотизма, например, победа советского народа над нацисткой Германией в Великой Отечественной войне, полет первого человека в космос, победа спортсменов на олимпиадах. Есть в истории нашей многонациональной страны и кровавые пятна... Самыми страшными страницами являются массовые политические репрессии. «10 лет без права переписки» – такой приговор получали многие, кто проходил 1930-е годы по печально известной 58 статье УК СССР, по сути это означало расстрел, но для близких была какая-то надежда. Этот процесс затронул миллионы судеб. Одни работали, другие были репрессированы. Многие из них умерли от голода и болезней в лагерях, от изнурительного и физического труда, нечеловеческого обращения в лагерях ГУЛАГА [3, с. 214].

После мировой и жестокой гражданской войны Россия перешла к мирному строительству. Закончился период «красногвардейской атаки на капитал». Партия большевиков и советское правительство разработали перспективную программу развития общества на платформе «классово-

го мира». Начала действовать новая экономическая политика. В последующем вместо идеи «классового мира» появилась сталинская концепция обострения классовой борьбы по мере развития советского общества. Эта теория и стала обоснованием массового террора против народа. Первым это испытало на себе крестьянство. Сталинская «ликвидация кулачества как класса» явилась откровенным палачеством над состоятельной частью крестьянства.

Покончив с самыми опасными верхушками общества в «правлящем эшелоне», сталинская верхушка приступила к окончательному искоренению всякого возможного противодействию курса на насильственное построение социализма в самом извращенном варианте. Последним подготовительным рубежом к большому террору стал февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года. Тот же А. Авторханов утверждает, что «партия отныне строилась по вождистскому принципу, совершенно так, как национал-социалистическая партия Гитлера по фюрерскому принципу» [1, с. 8].

1937 год стал годом террора в Омском Прииртышье. Январь 1937-го открывал не только новый год, он открывал новый этап в политическом развитии общества. В главной газете того времени, в «Омской правде», печаталась серия материалов под заголовками: «Раздавить гадов!», «Подлые изменники», «Торговцы Родиной!», направленная на выкорчевывание троцкистов.

«Омская правда» постоянно печатала материалы о разоблачении врагов народа. Поощрение к доносительству звучало из уст вождя. 22 апреля 1937 года в газете заголовок «Учителя», доказывающий, что в школах засело немало врагов. Из 7520 учителей Омской области 632 человека были освобождены от педагогической работы» [1, с. 24].

Для ареста или объявления «врагом народа» даже не требовалось сколько-нибудь правдоподобного повода. Достаточно было объявить человека троцкистом или сочувствующим, и он попадал в жернова карательной машины. Имеется немало показаний о «недозволенных приемах» следствия в годы сталинских репрессий. Всю систему истязаний, применявшихся в Омске, письменно изложил бывший работник омского управления НКВД Яков Нелиппа, сам попавший в руки бывших коллег. В своем заявлении, направленном в омский обком ВКП(б) в 1939 году он указывал: *«Применя чудовищные истязания, пытки, избиения, подделку документов они стремились расстрелять меня как государственного преступника, предателя интересов партии и родины... Главными методами следственных действий были физические истязания и фабрикация документов»* [2, с. 30]. И такие заявления были множественны. Всех интересовал один и тот же вопрос. За что? За что расстреливали или отправляли в концлагеря в годы сталинского лихолетья? Расстрелянные на это уже не ответят. Выжившие лагерники пишут в воспоминаниях: «Ни за что». А между тем расстреливали, отправляли в концлагеря.

Материалы кровавого 1937 года свидетельствуют, что в народе было упорное противодействие наступлению кровавого режима на достоинство, честь и нравственность человека. Сталинскому режиму нужен был человек, необремененный этими качествами. Без лишнего анализа можно увидеть, как «простые люди» отстаивали честь, достоинство и хранили нравственные основы жизни, и как сталинский режим разрушал народную нравственность в самых святых ее основах. Жены, дети и другие родственники стойко защищали арестованных и безвестно исчезнувших близких. Быкова Елизавета Васильевна 26 сентября 1939 г. писала в НКВД: *«Наркому внуддел тов. Берия... прошу о пересмотре дела моего мужа Быкова Александра Петровича. Мой муж – дряхлый старик 76 лет, инвалид дореволюционной армии. В чем его обвиняют меня крайне удивляет, но, со своей стороны, считаю, что здесь какое-то недоразумение»* [2, с. 90]. Два года жена расстрелянного полковника пыталась узнать о судьбе мужа, доказывала его невиновность. Она хорошо знала, что такая защита небезопасна. Множество семей всячески боролись за честь и уважение их членов семьи, но, увы, зачастую, безрезультатно... *«Каждые пять лет я запрашивала в Москве о своем муже и получала ответ, что он жив и осужден на 10 лет без права переписки с пребыванием в дальних лагерях... Суда над ним не было, а следовательно, защитить его ни я, ни его сотрудники, ни учащиеся не могли»*, – писала Анфиса Яковлевна Ханова [2, с. 91].

Говорят, что есть справедливость божьей кары или неизбежности предназначения. Династия Романовых началась с казни ребенка. Кончилась расстрелом несовершеннолетнего наследника престола. Точнее – возможного претендента на престол, от которого отрекся царствовавший император. Все это было в истории российской. Но есть и история более близкая. И еще более трагическая судьба женщин России. Женщины-крестьянки наравне с мужчинами шли в ссылку и в лагерь. Все это видела и земля Омская.

Жестокость карателей не знала границ. В протоколе омской особой тройки № 57 от 14 марта 1938 г. имеется постановление, редкое даже для этого кровавого палачества. Телегина Анна Петровна (90 лет!), бывшая помещица *«обвиняется в том, что в период колчаковщины оказывала материальную помощь как деньгами, так и продуктами, и как враждебно настроенная к существующему строю»* [1, с. 118]. Вот так – через 20 лет старой женщине припомнили, что она оказывала помощь белой армии! Расстрел 90-летней женщины – это один из своеобразных рекордов, может быть, и не только омского масштаба. В формировании общественной психологии страха и покорности расстрел женщин являлся самым устрашающим фактором... Все это прошла женщина России. А после сталинского террора была война. Оставалась боль за близких людей, расстрелянных или погибших в лагерях. К этому добавлялись боль за потери фронтовые...

В 1930-х гг. в обществе утвердился и господствовал страх. Завершилось создание режима террора. Пирамида репрессий была построена.

Поколение, рожденное в начале XX столетия, давно ушло из жизни. Поколение, растерзанное не только войнами с иноземцами, но и братоубийственной гражданской. Ушло, оклеветанное и обманутое, расстрелянное и замученное в концлагерях и суровой ссылке в необжитых краях Севера. Будь то крестьянство, учительство или врачи... приговор для всех один...

Давать оценку личности Иосифа Сталина не являлось задачей работы, это дело историографов и профессиональных историков. Важно понять другое. Необходимо осознать значение исторической памяти, неважно – коллективной или индивидуальной, мировой, общероссийской или региональной. Память об этом поколении должна сохраниться в поколениях последующих. Она нужна для того, чтобы не наступила гамлетовское: распалась связь времен...

Литература:

1. Самосудов В.М. *Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1939* / В.М. Самосудов. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. – 268 с.
2. Самосудов В.М. *Исторические этюды о репрессиях в Омском Прииртышье* / В.М. Самосудов. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. – 233 с.
3. *Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.* / Германский исторический институт в Москве. – М. : РОССПЭН, 2009. – 927 с.
4. Шангин М. *Террор против совести* / М. Шангин. – Омск : Ом. кн. изд-во, 1994.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

*Сорокина Ю.,
учащаяся 11 класса БОУ СОШ № 104 г. Омска*

На сегодняшний момент политические репрессии являются одной из актуальных тем, так как они коснулись почти каждого жителя нашей страны. В последнее время очень часто всплывают страшные тайны того времени, увеличивая тем самым важность этой проблемы. Я учусь в 11 классе. Для меня очень важно, чтобы в стране, в которой я живу, никогда не повторялись трагические события, связанные с репрессиями. Сегодняшнее поколение должно сделать все, чтобы сохранить память о страшной странице в нашей истории и передать ее будущим поколениям.

Тридцать седьмой год навсегда остался в памяти людей, особенно старшего поколения. Кому-то он принес горе утраты родных и близких, для кого-то запомнился атмосферой страха и гнетущего предчувствия беды. Конечно, репрессии возникли не при Сталине – начало им было положено сразу после октябрьского переворота, но именно 1937-й стал годом массового террора. В течение 1937–1938 годов по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 млн человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных переваливает за два миллиона.

Категории репрессированных в СССР

Категории репрессированных	Название группы	Общая характеристика	Ареал ссылки
Первая категория. Политзаключенные	Люди, арестованные по политическим обвинениям органами государственной безопасности (ВЧК–ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ) и приговоренные судебными или квазисудебными (ОСО, «тройки», «двойки» и т.п.) инстанциями к смертной казни, к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке	По различным предварительным оценкам, за период с 1921 по 1985 годы в эту категорию попадает от 5 до 5,5 млн человек. Репрессии советской власти, относящиеся к 1917–1918 гг. и эпохе гражданской войны, документированы настолько фрагментарно и разноречиво, что даже их масштабы пока не установлены (по оценкам от 50 тысяч до 1 млн). Политзаключенные, получившие свои сроки после смерти Сталина и окончания массового террора, если и представлены в некоторых Книгах памяти, то лишь фрагментарно. По данным НИПЦ «Мемориал» (г. Москва) сведений о политических репрессиях 1953–1985 гг. всего около пяти тысяч справок о политзаключенных новейшего периода	Разветвленная сеть лагерей ГУЛАГ по всей территории страны
Вторая категория. Раскулаченные	Категория репрессированных по политическим мотивам – крестьяне, административно высланные с места жительства в ходе кампании «уничтожения кулачества как класса»	Всего за 1930–1933 гг., по разным оценкам, вынужденно покинули родные деревни от 3 до 4,5 млн человек. Меньшая часть из них были арестованы и приговорены к расстрелу или к заключению в лагерь. Другая часть – 1,8 млн – стали «спецпоселенцами» в необжитых районах. Множество крестьян бежали из деревень в большие города и на индустриальные стройки, спасаясь от репрессий, коллективизации и массового голода, ставшего последствием сталинской аграрной политики и унесшего, по разным оценкам, жизни от 6 до 9 млн человек	Районы Европейского Севера, Урала, Сибири и Казахстана
Третья массовая категория жертв политических репрессий. Депортированные народы	Народы, целиком депортированные с мест традиционного расселения на другие территории	Наиболее масштабными эти административные депортации были во время войны, в 1941–1945 гг. Одних выселяли превентивно как потенциальных пособников врага (корейцы, немцы, греки, венгры, итальянцы, румыны), других обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации (крымские татары, калмыки, народы Кавказа). Общее число высланных и мобилизованных в «трудовую армию» составило до 2,5 млн человек	Депортация осуществлялась в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан

Не оставалась Омская область в стороне от исторических событий, которые сотрясали всю нашу страну в первые десятилетия советской власти. В 1920 году на всей территории области была установлена Советская власть. Одной из трагических страниц истории области стала насильственная коллективизация. В 1931 году с территории Западно-Сибирского края, центром которого был Омск, было отправлено в Васюганские болота тысячи семей крестьян, большая часть которых погибла в пути и первый год ссылки. Насильственная коллективизация вызвала крестьянские восстания. В Муромцевском районе восстали 28 деревень (20,5 тыс. жителей), были сформированы вооруженные отряды. Восстания были подавлены, 442 участника предстали перед «тройкой» НКВД, 62 человека были расстреляны, 308 человек отправлены в концлагеря.

Прокатился по омской земле и тяжелый каток «большого террора» сталинской эпохи. Были расстреляны многие партийные, советские, хозяйственные работники, деятели культуры Омской области, массовым репрессиям подверглось сибирское казачество. Островки знаменитого архипелага ГУЛАГ были разбросаны и по территории Омской области. В Омскую область в 1941–1942 гг. была депортирована значительная часть немцев Поволжья. По мере строительства социализма в СССР набирала обороты политика массовых репрессий. Им предшествовала мощная идеологическая подготовка в виде разоблачительных кампаний, направленных против оппозиционных групп, чаще мнимых, чем действительных. Ответственность за невыполнимые планы партии перекладывалась на разные социальные и национальные группы населения. Пик проведения карательных акций пришелся на 1937–1938 годах.

31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект «Оперативного приказа НКВД» о проведении кампании репрессий против бывших кулаков, уголовников, антисоветских элементов. Операцию было намечено провести в 4-месячный срок, начиная с 5 августа 1937 года. Для оперативного вынесения приговора учреждались специальные внесудебные «тройки», в которые входили секретарь обкома партии, председатель облисполкома и начальник управления НКВД. 5 августа 1937 года начала свою работу и омская «тройка», подписав протокол № 1. В нем названо 213 фамилий, к расстрелу приговорены 144 человека. Как и для других краев и областей, для Омской области был утвержден «лимит» на расстрел 1000 человек, и 2500 человек должны быть отправлены в лагеря. Однако вскоре первоначальный план был перевыполнен. Запрос начальника омского НКВД от 13 августа об увеличении лимита по области на расстрел до 8000 человек был одобрен лично И.В. Сталиным.

В августе и сентябре 1937 г. омская «тройка» осудила более 6000 человек. Однако масштабы репрессий в области не устроили ЦК ВКП(б), поэтому 29 сентября 1937 года в «Правде» появилась статья «Пора омским большевикам заговорить полным голосом». В статье говорилось, что в Омской области процветало массовое вредительство, троцкистско-

бухаринские взгляды, а областные руководители бездействовали. Статья на следующий день была перепечатана «Омской правдой», что подхлестнуло репрессивную деятельность омской «трройки». Всего до конца года было подписано 50 протоколов, содержавших обвинения против 17 253 человек, 11 091 из них были приговорены к расстрелу. Рекордным стал протокол № 31 от 10 октября, где из 1301 человека к расстрелу приговаривались 937. К арестованным в процессе допросов широко применялись пытки, под воздействием которых люди подписывали выдвинутые против них самые абсурдные обвинения.

Репрессиям подвергались все слои населения. На пленуме Омского обкома партии (4–7 октября 1937 г.) был смещен первый секретарь обкома Д. Булатов. На этом же пленуме начальник Омского управления НКВД просил, чтобы партийные организации помогали выявить врагов народа, так как без такой помощи органам НКВД с задачей не справиться. В 1937–1938 годах были заменены десятки директоров МТС, совхозов, прокуроров, судей, уволены и арестованы сотни учителей, врачей, инженеров, квалифицированных рабочих, в том числе железнодорожников, военных, преподавателей высшей школы.

По сфабрикованным обвинениям за создание и причастие к разного рода подрывным организациям осуждались люди разного возраста. Не были редкостью приговоры в отношении 80–90-летних стариков. Широко развернулась работа по уничтожению сибирского казачества. По версии следствия, в каждом казачьем поселке формировался взвод, в станице – рота. Сообщалось, что в Омске в бывших казачьих станицах Атаманской и Захламинской были организованы большие группы повстанческой организации, ставившей целью свержение советского строя. Изобретались татарские, казахские и еврейские националистические контрреволюционные организации.

Продолжался разгром церкви. К 1937 году в Омской области действовало 125 церквей, 26 сектантских общин. Главный удар наносился по православной церкви. По версии НКВД, с 1935 года в городе действовал центр «Епархиальное братство», созданный омским епископом А.Н. Миловидовым. К церковным подрывным организациям приписывались не только служители церкви и ее активисты, но и бывшие «кулаки» и белогвардейцы.

Репрессии предвоенных лет не ограничивались приговорами «троек». Активно действовали уголовные суды, отправляя тысячи людей в лагеря. За 1938 г. к суду привлечено более 22 тысяч человек. Массовые репрессии, при которых любой гражданин мог быть объявлен врагом народа, сковывали инициативу трудящихся. В случае малейшей оплошности можно было ожидать обвинения в подрывной деятельности. На Омской железной дороге за короткое время 20 стахановцев покончили жизнь самоубийством. Массовые репрессии имели и экономическую подоплеку: они обеспечивали страну бесплатной рабочей силой за счет заключенных в лагерях.

Одновременно с репрессиями в кругах интеллигенции и национальных меньшинств органы НКВД ищут врагов и по другим направлениям: в собственных рядах и среди «недобитых контрреволюционеров». Осенью 1937 года проходит расстрел 88 бывших колчаковских офицеров по сфабрикованному делу, продолжают гонения на служителей церкви. Расстрелы в Омске не были явлением случайным: Омская область имела план репрессий, утверждённый в Москве. В течение четырёх месяцев, начиная с августа 1937 года, каждая республика, край, область должны были выполнить план по расстрелу и отправке в концлагеря. Омская область получила задание: к расстрелу – 1000 человек, в лагеря – 2500. С 5 августа 1937 года начала действовать так называемая «тройка» (первый секретарь обкома ВКП(б), начальник Управления НКВД и председатель облисполкома), которая выносила внесудебные приговоры. И вскоре начальник УНКВД по Омской области направляет в Москву телеграмму: арестовано «по первой категории 5444 человека» и просит увеличить «лимит» по этой расстрельной категории до 8 тысяч. На телеграмме – резолюция Сталина: «За увеличение лимита до 8 тысяч». И эта цифра будет перевыполнена более чем в два раза – было расстреляно 17 тысяч.

В чём была логика репрессий конца 1930-х годов. Исследователь сталинской политики в Сибири И.В. Павлова верно отмечает: «Спланировав Большой террор как боевую операцию против населения страны, сталинская власть постаралась, кроме прямых результатов уничтожения и изоляции своих возможных противников и неблагонадежных, получить еще и дополнительные утилитарные результаты, побочные выгоды. Во-первых, открытыми процессами прикрыть тайный ночной, многократно более массовый террор. Во-вторых, переложив собственные преступления на часть своих заместителей как на „козлов отпущения“ и избавившись от них, реабилитироваться в глазах народа, сохраняя и укрепляя установленную систему политического, социального и экономического насилия. В-третьих, прикрыть террор против народа организованным и восторженным согласием самого народа с террором против отдельных представителей власти, переложив тем самым историческую ответственность за массовые убийства на народ, сделав его соучастником убийств, организованных властью. И, наконец, укрепить таким образом коммунистический режим аморально-политическим единством с народом, что в значительной мере удалось, как показали последующие события».

Репрессии в Омской области – более 32 тысяч человек было невинно осуждено, почти 30 тысяч жителей – раскулачено. Счастлив тот народ, где государство и гражданское общество развивается в сотрудничестве, где их устремления совпадают. Политика произвола и беззакония, практиковавшиеся на государственном уровне по отношению к репрессированным народам, являлась противоправной, оскорбляла достоинство всех народов страны. Ее трагические последствия до сих пор сказываются

ся на состоянии межнациональных отношений и создают опасные очаги межнациональных конфликтов.

Память – самое дорогое, что есть в сердцах людей. В жизни бывают моменты, которые невозможно вспоминать без слез. Трагические события откладывают большой отпечаток на жизни и судьбы людей, поэтому эти страницы истории надо изучать с особым вниманием. Политические репрессии – одна из самых трагических страниц нашей истории. Но это наша история, и изучение ее – знак памяти и дань уважения невинно пострадавшим. Знание всех фактов нашего прошлого, особенно трагических, дает нам полное представление о нас самих, о современности.

Литература:

1. Горинский М. *Пора омским большевикам заговорить полным голосом // Правда. – 1937. – 29 сент.; Омская правда. – 1937. – 30 сент.*
2. *Ликвидировать до конца политическую беспечность // Омская правда. – 1937. – 30 сент.*
3. *Забвению не подлежит: книга памяти жертв политических репрессий Ом. обл. : в 11 т. – Омск : Ом. кн. изд-во, 2000.*
4. Самосудов В.М. *Большой террор в Омском Прииртышье, 1937–1938 / В.М. Самосудов. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1998. – 268 с.*
5. Самосудов В.М. *О репрессиях в Омском Прииртышье: ист. этюды / В.М. Самосудов. – Омск, 1998. – 232 с.*
6. *60-летие большого террора: памяти жертв репрессий: материалы науч. конф. (Омск, 21 окт. 1997 г.). – Омск : Изд-во ОмГУ, 1998. – 87 с.*
7. *По стирали репрессий // Очерки истории города Омска. – Омск, 2005. – Т. 2: Омск. XX век. – С. 173–196.*
8. Самосудов В.М. *Записки из кровавого года / В.М. Самосудов. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. – 167 с.*
9. Самосудов В.М. *Государственный террор и его проявление в Сибири в 1930-е гг. // Гуманитарное знание: ежегодник / ОмГПУ. – 1999. – Вып. 3. – С. 410–419.*
10. Самосудов В.М. *Время большого террора // Иртышский вертоград. – М., 1998. – С. 325–327.*
11. *Возвращение памяти: репрессии финнов на Омской земле / сост.: М.А. Сбитнева, Т.Г. Четверикова. – Омск, 2001. – 92 с.*
12. Четверикова Т. *По особой 58-й // На ветрах времени: омская журналистика: вчера, сегодня, завтра. – Омск, 1999. – С. 65–79.*
13. Ремизов А.В. *Омское краеведение: [ом. краеведы в период репрессий] // Изв. Ом. гос. ист.-краеведческого музея. – 1997. – № 5. – С. 55–60.*
14. Черказьянова И.В. *Служители и активисты церкви, репрессированные на территории Омской области в 1920–1950-х гг. // Изв. Ом. гос. ист.-краеведческого музея. – 1997. – № 5. – С. 256–278.*
15. Самосудов В.М. *Кровавая вежа 1937-го // Омский вестник. – 1997. – 31 июля. – С. 8.*
16. Самосудов В.М. *Как пытали в омских застенках НКВД // Ваш Орел [Омск]. – 2001. – 7 ноября (№ 45). – С. 10.*
17. Самосудов В.М. *Рекорды палачества // Омский вестник. – 1997. – 9 окт. – С. 8.*
18. Самосудов В.М. *Утаенные страницы истории комсомола // Омский вестник. – 1998. – 9, 16 июля; 6, 27 авг.*
19. Кадырова Э. *Причина смерти – расстрел // Вечерний Омск. – 1997. – 11 июня. – С. 4.*
20. Зарытовская М. *От «А» до «Я» – всех забирали // Труд-7. – 2000. – 2–8 ноября. – С. 2.*

«ВРАГ НАРОДА» – АКИМ ЧУЯНОВ

*Забусова Д., учащаяся 11 класса,
МБОУ «Марьяновская СОШ № 3»*

*Руководители: Гребер Е.Г., учитель географии и биологии,
Ищенко О.В., доцент, к.и.н.*

18 октября 1991 года вышло Постановление Верховного Совета РСФСР за № 1767/1-1 «Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий», который учредили 30 октября. Эта горькая дата, день мужества и защиты прав человека, права жить по совести, оставаясь честным перед страной и перед самим собой. Эта скорбная драматическая дата нашей истории напоминает нам о судьбах миллионов соотечественников, которые безвинно пострадали от тоталитарного режима за инакомыслие, политические и религиозные убеждения, национальную или социальную принадлежность. Проходят годы, десятилетия, но интерес к истории страны и судьбе людей не снижается, потому что живы потомки тех, кто на крутых поворотах истории сгинул, казалось бы навсегда. Но нет, память не дает покоя, заставляет снова и снова обратиться к лихим тридцатым годам. Прошло чуть более 20 лет с тех пор, как началось восстановление честных имён репрессированных. Стали издавать книги, устанавливаться памятники.

При изучении темы мы опирались на разные источники: от книг Н.С. Хрущева «Воспоминания», «О культе личности и его последствиях» до документов семейного архива, предоставленных нам В.И. Бугаенко – внучкой Акима Игнатьевича Чуянова. Также использовались письма и воспоминания детей, братьев, сестёр и внуков Акима Игнатьевича. Учётное дело Чуянова А.И. было переписано внучкой Акима Игнатьевича – Галиной Чуяновой, которая получила доступ к архивам НКВД.

Многое из того, что творилось в эти страшные годы в стране, широкой общественности не известно. Что происходило в нашем поселении в 30-е годы двадцатого века? Кого, и за что, называли врагами народа? Мог ли Аким Чуянов представлять опасность для власти? На эти и другие волнующие меня вопросы мы попытались получить ответ, работая над этой темой.

«Враг народа (лат. *hostis publicae* – буквально „враг общества“) – термин римского права, предполагавший объявление лица вне закона и подлежащим безусловному уничтожению (и в этом смысле как бы приравнивающий его к вражескому солдату, воюющему с республикой с оружием в руках). В новое время получил широкое распространение во времена Французской революции для обозначения противников режима и для обоснования массового террора. С той же целью, что и во Франции, термин использовался во времена сталинских репрессий. Необходимость усиления борьбы с „врагами народа“ обосновывалась сталинским тезисом о том, что по мере строительства коммунизма происходит не ос-

лабление, а обострение классовой борьбы; возникают новые классовые враги: контрреволюционеры, вредители, шпионы, диверсанты, врачи-убийцы и т. д. Наказание им определяла 58-я статья Уголовного Кодекса РСФСР. Аналогичные статьи были и в уголовных кодексах других союзных республик» [1].

Словосочетание «враг народа» впервые было использовано в российской революционной практике в августе 1917 года в листовках Комитета народной борьбы с контрреволюцией. «Врагом народа» назывался генерал Л.Г. Корнилов, поднявший мятеж 28 ноября 1917 года. Фраза «враги народа» была применена В.И. Лениным, который на заседании Совета Народных Комиссаров выступил с предложением об аресте «виднейших членов ЦК партии врагов народа, и предании их суду революционного трибунала». Под партией врагов народа имелись в виду кадеты, организовавшие противоправительственную демонстрацию. Эту меру поддержали все присутствовавшие, включая Троцкого, Стучку, Петровского, Менжинского, Глебова, Красикова и Бонч-Бруевича. Единственным проголосовавшим против был Сталин, который посчитал предложение чересчур жестким. Несмотря на первоначальную мягкость к «врагам народа», Сталин активно пользовался этим ярлыком для оправдания репрессий. Категории врагов народа определялись задачами, решаемыми сталинским руководством.

Теоретическим обоснованием борьбы с врагами народа служила концепция Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения страны к социализму. Сталин проявлял личную заботу о том, чтобы враги были разоблачены и уничтожены. Узнав о пожаре на Канском мельничном комбинате в 1937 году, он обратился к Красноярскому крайкому с такой телеграммой: «Поджог мелькомбината, должно быть, организован врагами. Примите все меры к раскрытию поджигателей. Виновных судить ускоренно. Приговор – расстрел. О расстреле опубликовать в местной печати». Для разоблачения врагов применялись пытки. Сталин рекомендовал «метод физического воздействия... в виде исключения, в отношении явных и не разоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». В процессе разоблачения «врагов народа» появились герои-разоблачители. Так, Сталин лично похвалил на февральско-мартовском пленуме 1937 года аспирантку Николаенко, назвав ее «маленьким человеком», умеющим «разоблачать врагов». Вдохновленная Николаенко однажды заперла на ключ пожилого большевика и, позвонив в НКВД, заявила: «У меня в кабинете сидит враг народа, пришлите людей арестовать его». Николаенко по рекомендации Сталина была направлена с Хрущевым на Украину, чтобы помогать ему бороться с врагами народа. Вскоре она прислала Сталину донос, в котором назвала Хрущева «не разоружившимся троцкистом». Сам Н.С. Хрущев писал о ней следующее, что отражало ситуацию с «борцами за революцию, борцами с врагами народа»: ...она всех украинцев считала националистами, все в ее глазах были петлюровцами, врагами народа, и всех их

надо арестовывать. ...она написала заявление, в котором обвиняла меня, что я покрываю врагов народа и украинских националистов. ...такой невесте подыскать мужа – это очень опасно, потому что муж уже будет подготовлен к тому, что ему через какое-то время надо садиться в тюрьму, поскольку она его, безусловно, оговорит. Практику «разоблачения врагов народа» во время сталинских репрессий современник событий Н.С. Хрущев характеризует следующим образом: «Некоторые лица были просто шарлатанами, которые избрали для себя профессией разоблачение врагов народа. Они терроризировали всех, бесцеремонно заявляя в глаза: „Вот этот – враг народа“». Прикипало к человеку это обвинение, привлекало внимание, органы НКВД начинали разбираться. Следствие, конечно, велось тайно, к человеку приставляли агентуру, а потом доказывали, что это – действительно враг народа» [1].

«37-й и 38-й, эти два года – великий перелом на фронте борьбы со шпионами и вредителями. Стреляли людей и раньше и в куда больших количествах, но в 1937-м году живительный вихрь очищения, наконец, ворвался на самые вершины власти, почти сплошь засоренной враждебной агентурой, и тут нельзя было стрелять просто так, без следствия, тут пришлось на каждого шпиона дело заводить, кроме того, это дело иногда приходилось расследовать, распутывать. Но заговоры разные бывают: на распутывание одного иногда пятнадцати минут хватает, а на распутывание другого бывает и целого рабочего дня недостаточно. И эти два года на следственный аппарат НКВД выпали чудовищные нагрузки. Следователи неделями и месяцами не выходили из своих кабинетов, валялись с ног, засыпали за рабочим столом, забывали о семье и близких. И Николай Иванович Ежов делал всё, чтобы облегчить тяжкую участь своих подчинённых. Резко увеличил чекистские пайки, ввёл «Ежовскую надбавку», за вредность производственную, организовал доставку шоколада, ананасов, немецкой колбасы, французского паштета каждому чекисту прямо на дом, а для особого круга, московских и приезжих чекистов в своих квартирах и дачах по семь раз в неделю устраивал карнавалы-маскарады» [2]. Читая такие откровенные, страшные признания, становится понятным, почему люди шли на обман и клевету – страх. Люди боялись друг друга...

Трудолюбивые многосемейные крестьяне. Не написаны о них книги, не сняты фильмы, на страницах книги Михаила Ивановича Санькова «Марьяновский меридиан» в главе «Переселенцы» есть упоминание о Чуяновых и о селе Чебуренки. Несколько номеров Марьяновской районной газеты «Авангард» за 01.06.1989 год (№ 66), за 29.06.1989 год (№ 78) и за 14.07.2000 год посвящены фамилии Чуяновы [8]. О такой небольшой деревеньке, как Чебуренки, сведений в старых книгах и архивных документов сохранилось мало. И здесь пригодились воспоминания старожилов, собранные М.И. Саньковым за четверть века. *«Говорят, своё название деревня унаследовала от фамилии офицера на царской службе Чебуренко, получившего как награду участок Казачьей земли от*

Екатерины II. Чебуренко на своей земле не жил, а передал её в аренду переселенцам».

В Сибирь люди ехали в поисках лучшей жизни, спасаясь от малоземелья. Первыми из Белоруссии на постоянное место жительства приехали братья Дорошенко: Ефим, Никифор, и Андрей. Семья Чуяновых в Сибирь переехала по приглашению братьев Дорошенко в самом конце XIX века из-под Гомеля, села Старые Иваки (Белоруссия): Игнат Васильевич с женой Марией Демьяновной и сыновьями: Иваном, Акимом, Григорием, Филиппом, Василий уже родился в Сибири в 1903 году, дочерьми: Полиной, Анастасией, Аграфеной. Переселенцев был целый поезд, с собой они забирали всё: диваны, кровати, стулья, прялки, одежду и даже саженцы красной смородины («Апоречке» – по реке росла). До сих пор в Чебуренских садах растёт этот кустарник. Поселились Чуяновы в Щербаккульском районе (сейчас Марьяновский) в 15 км от станции Марьяновка. На этом месте был казахский аул Белике, затем казахи переехали в аул Карабас. Переселенцы с казахами жили дружно, часто заезжали друг к другу в гости. Мужчинам переселенцам давали подъёмные по 100 рублей – это были большие деньги, так как корова в то время стоила 3 рубля, а на женщин не давали подъёмные. Старожилы рассказывали: *«Чебуренские крестьяне считались зажиточными, держали много скота. Часть из них была баптистами, алкогольные напитки не употребляли, и это способствовало процветанию крестьянских хозяйств. Вера сближала их с жителями села Усовка, где у баптистов был молельный дом. А.Я. Эсаулова (Дорошенко) вспоминала: «Особенно хорошо жили Чуяновы Игнатий Васильевич и Мария Демьяновна. Их дом был крыт железом, семья обзавелась паровой машиной, приводившей в действие молотилку. Материальное благополучие достигалось тяжёлым трудом и экономией. Своим дочерям-девицам И.В. Чуянов не покупал шерстяных платьев, так как копил деньги на приобретение лобогрейки»* [3]. Аким Чуянов (1883 года рождения) – четвёртый сын Игнатия Васильевича женился на дочери Дорошенко Андрея Ермолаевича, Марфе Андреевне, тоже приехавших из Белоруссии. В семье Акима Игнатьевича в дальнейшем родилось 8 детей: пять дочерей, три сына. Жили и трудились они одной семьёй со старыми родителями. С каждым годом всё больше распахивали пашен, во дворе множилась живность. Трое сыновей поженались, но отец Игнат Васильевич долго не отделял их, не хотел дробить хозяйство. Потом один отошёл, а Аким со своей семьёй так и жил с ними до середины 1920-х годов. Старшая дочь Акима Игнатьевича рассказывала: *«Когда дедушка отделил отца, дал ему две лошади, две коровы, жили мы тогда зажиточно. Отец любил крестьянскую работу и этого требовал от своих детей».*

В конце 1920-х годов стали создаваться колхозы. Чебуренцы не сразу откликнулись на эту кампанию. Почти все хозяйства в деревне были крепкими. Против коллективизации были и Чуяновы, не хотелось обобществлять политую потом землю, годами выращиваемых лошадей, коров, другую живность. За это в 1930 году органы НКВД арестовали

Акима Игнатъевича и его брата Григория Игнатъевича. Григорий Игнатъевич так и пропал в лагерях – умер на руках своего брата Акима Игнатъевича. Судьба же Акима Игнатъевича тогда сложилась лучше. После трёхлетнего пребывания в лагерях на строительстве Беломорканала он досрочно как ударник стройки был отпущен домой. А вот что вспоминает Ирина Акимовна Чуянова про раскулачивание отца: *«Была зима 1930, нас собрали всех в кучу и на конях повезли в Боголюбовку, где был сборный пункт. Но потом детей вернули в Чебуренки, а там оказалось, что дом был полностью разграблен: вычистили из погреба картошку, забрали вещи, увели корову. Вскоре нас отвезли в Иркутскую область к отцу»*. Акима Игнатъевича этапом отправили на строительство Беломорканала, а детей с матерью Марфой Андреевной снова вернули в Чебуренки. В 1933 году Акима Игнатъевича отпустили домой за ударный труд. Аким Игнатъевич работал в колхозе «Седьмой съезд Советов» на разных работах. В 1937 году Акима Игнатъевича поставили заведовать током. Только не пришлось ему там долго трудиться: 4 сентября 1937 года после клеветнического доноса Акима Игнатъевича (в возрасте 54 лет) снова арестовали, увезли в Омск и 22 сентября расстреляли как врага народа. *«...Сколько горя перенесла наша семья! Жили впроголодь, одевались в мешковину, спали на соломе на полу. Как вспомнишь свою юность, кровью сердце обливается...»* [2].

4 сентября 1937 года пятиклассница Ирина Чуянова и другие дети шли из овцеводческой школы домой в Чебуренки, по дороге их остановил конный милиционер и спросил: *«Где Чуянов Аким живёт?»*. Ему показали. *«Прихожу домой, а отец уже умывается: «Прощайте, деточки». И его увели, а мы уже 3 года без мамы жили (умерла во время родов в 1934) (из воспоминаний Ирины Акимовны Чуяновой)* [5]. В 1930-е годы, во время коллективизации и репрессий, богатую деревню Чебуренки разорили, а самых трудолюбивых крестьян выслали или погубили. Такая ужасная участь миновала братьев Акима Игнатъевича Филлипа и Ивана. Во время раскулачивания они со своими семьями уехали в Казахстан. Анна Акимовна Солошенко, старшая из дочерей Акима Игнатъевича рассказывала: *«...Потом мы узнали, кто написал донос на отца. Сейчас их тоже нет в живых, но, наверное, совесть все-таки их мучила»*.

Много лет подряд сёстры Ирина Акимовна и Глафира Акимовна стучались во все двери, писали по всем адресам, вплоть до Сталина, чтобы узнать о судьбе своего отца после 4 сентября 1937 года. Их письма пересылали из инстанции в инстанцию или отвечали: оснований для пересмотра дела не имеется. Долгое время все документы, которые могли пролить свет на эти события, тщательно скрывались. И теперь, когда знакомишься с фактами, становится по-настоящему страшно. С августа 1937 года регулярно заседала «особая тройка», в которую входил начальник НКВД области, председатель облисполкома партии и первый секретарь обкома. За одно «плановое» заседание «тройки» рассматривались дела от 200 до 1000 обвиняемых, в отношении многих из них выноси-

лись расстрельные приговоры. После XX съезда партии власти не сразу решились открыть людям правду. По стране была разослана секретная директива Комитета государственной безопасности, которой предписывалось сообщать родственникам расстрелянных людей вымышленные диагнозы смертей. Вот и доходили слухи, что Аким Игнатъевич умер где-то на Новой Земле, воевал в штрафбате...

Чуянова Галина Игнатъевна, внучка Акима Игнатъевича, (сейчас кандидат наук, замдекана в ОмГАУ им. П. Столыпина) после реабилитации дедушки в 1989 году, познакомилась с архивами НКВД и КГБ. Фотографировать и копировать учётное дело заключённых не разрешили. Галина Игнатъевна перечитала и переписала себе в тетрадку все протоколы за 1930 и 1937 годы. По нашей просьбе Галина Игнатъевна предоставила нам материалы учётного дела № 2756 на Чуянова Акима Игнатъевича. Изучая протокол обыска, обнаружилось, что ничего ценного или опасного для общества у Акима Чуянова не нашли, опись велась карандашом. Просматривая протоколы допросов, можно сделать вывод – они сфальсифицированы, потому что в свидетели по делу взяли не жителей д. Чебуренки, а людей из д. Боголюбовка, д. Михайловка. Во время показаний обвиняемого используются недозволенные методы допроса, когда допрашивающий начинает свой вопрос фразой «Следствию известно». Характеристики на Акима Игнатъевича написаны неграмотными людьми и видимо под диктовку, одна из характеристик написана на листке из школьного дневника. По запросам сестёр обвиняемого прокуратурой Омской области было пересмотрено учётное дело Чуянова А.И., проведены допросы свидетелей, тех, кто дожил до 1958 года. Из протоколов допросов мы видим, что часть была сфабрикована, а кто-то помнит, что писал донос, но не помнит, что его допрашивали. В деле имеются и другие нарушения социалистической законности: отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела, арест, обыск не санкционированы прокурором. Очные ставки не проводились, хотя и была в этом необходимость. Обвинительное заключение прокурором не утверждено. Валентина Игнатъевна Бугаенко (Чуянова) внучка Акима Игнатъевича (сейчас помощник депутатов госдумы и облдумы Свердловской области) в одном из присланных нам писем пишет: *«Читаешь эти сфабрикованные безграмотные доносы, видишь под ними фамилии людей, с внуками которых мы росли рядом, учились, а некоторых я учила в начале 1970-х в с. Уютном и оторопь берёт. Как вы могли?.. Что заставило писать Вас?.. Страх?.. Ненависть или зависть, что не могли полюбить так самоотверженно землю свою, как мой дед, не трудились до седьмого пота, чтобы иметь всё нажитое своим трудом. Но пусть всё это будет на их вестях, и пусть через долгие годы, но правда восторжествовала».*

Миллионы людей пострадали в годы массовых репрессий. Среди них были и руководители промышленных предприятий, партийных и комсомольских организаций, офицеры и генералы Красной Армии, и простые учителя, врачи, колхозники, рабочие. Со всей страны

Фото 2. Храм св. Василия Блаженного

шли спецэшелоны с осуждёнными на Урал, в Сибирь, Дальний Восток, на строительство Беломорканала. Многим из них никогда не суждено было вернуться домой. Под карающий меч системы попали те, кого мы называем цветом нации, кто выбивался из рамок, установленных этой системой, позволял себе думать самостоятельно и жить по совести.

У меня в руках оказалась районная газета «Авангард» за 01.06.1989 год № 66 «Реабилитированы посмертно»: *«Областной прокуратурой и Управлением КГБ СССР по Омской области в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года проводится работа по завершению реабилитации необоснованно осуждённых лиц за государственные преступления несудебными органами в 30–40-х – начале 50-х годов. В текущем году, реабилитированы, – и приведён список имен, среди которых: Чуянов Аким Игнатьевич, 1883 года рождения, член колхоза им. 7-го съезда Советов, арестован 4 сентября 1937 года и Чуянов Григорий Игнатьевич, 1879 года рождения, крестьянин-единоличник, д. Чебуренки, арестован в феврале 1930 года».* Кто они такие – Григорий и Аким Чуяновы из деревни Чебуренки? Почему их арестовали, за что сурово наказали? Размышляет внучка В.И. Бугаенко: «Нет успокоения нам внукам, правнукам, кому довелось жить уже в XXI веке: За что? Кто дал право лишать жизни наших дедов, родителей?.. Кто ответит за то время, которое прожили они с пятном «враги народа»?

Прошло 73 года после всего происшедшего, а теперь имена этих людей: Чуянов Аким Игнатьевич и Чуянов Григорий Игнатьевич внесены в Книгу памяти жертв политических репрессий «Забвению не подлежит» [6].

«Сколько же недодано,
Сколько же отобрано,
Сколько же убито у людей любви?
Генофонд России –
Крестьянские семьи.
Как же обошлись с вами
С вами беззащитными,
Без воли и Земли!?».

Автор – Бугаенко
Валентина Игнатьевна, внучка

Человек – существо не злопамятное. Всё может пережить, многое забыть. Особенно когда оказалась в опасности наша Родина. Во времена Великой Отечественной войны пятеро сыновей Григория Игнатьевича:

Иван, Михаил, Василий, Николай, Тимофей, двое сыновей Акима Игнатьевича: Яков, Андрей, и две дочери, Анна и Вера, защищали страну от фашистских захватчиков, вернулись с фронта с ранами и наградами. Андрей Акимович был удостоен трёх орденов Славы, Тимофей Григорьевич награждён орденом Красной Звезды. Есть в их арсенале медали «За отвагу». Два брата Василий и Николай Григорьевич Чуяновы погибли на войне. Имена Чуянова Андрея Акимовича, и Чуянова Тимофея Григорьевича внесены во второй том книги «Солдаты победы». Дочери Акима Игнатьевича: Анна Акимовна, Татьяна Акимовна, Мария Акимовна до пенсии работали в колхозе и в госплемзаводе. Их сестра Ирина Акимовна, получив высшее образование, работала учителем географии, директором школы в Любинском районе, 35 лет проработала в Институте усовершенствования учителей города Омска, возглавляя кабинет географии. Младшая из сестер, Глафира, работала кассиром и администратором Омского железнодорожного вокзала. Написать полную историю фамилии Чуяновых невозможно, стоит лишь продолжить поиски, обнаруживаются всё новые и новые подробности.

Изучая историю происхождения фамилии «Чуянов» мы узнали, что она принадлежит к древнему типу русских фамилий, поэтому современные обладатели этой редкой фамилии, могут по праву гордиться ею как ценным памятником российской истории и языка. Мы сумели собрать аргументы и обосновать невинность Чуянова Акима Игнатьевича и сделать вывод, что Аким Чуянов не враг народа, а обыкновенный крестьянин, защищавший своё нажитое тяжёлым трудом добро. Отстаивание своей духовной и гражданской свободы привело этого человека к лишению свободы и жизни.

Почему надо писать такие научные работы? Многие из наших предков, бабушек и дедушек пережили эти годы, и пока они живы, их воспоминания, помогут нам воссоздать правдивую картину происходившего в тридцатые годы, годы террора. *«Во-вторых, если дети и подростки поймут, что в любой день и час снова могут появиться концентрационные лагеря и репрессии людей, они не поддадутся болтовне тех, кто уверяет, будто только слепое повиновение, бессмысленный порядок и так называемая твёрдость – единственно правильные пути в будущее».* «Мы сможем не допустить повторения таких ужасов, только если научимся сознательно относиться к жизни. Кто с юных лет привыкнет задавать вопросы, а не отмалчиваться, кто с ранней молодости проявит серьёзный интерес к происходящему вокруг него» [8].

Чуяновы – сама Россия!
Красивые, с широкою душой,
Превозмогая, перетерпев
И пересилив,
Остались вы, Чуяновы, собой...».

Автор Бугаенко В.И.

Всего в Омской области насчитывается 11 789 человек [1], тем или иным образом пострадавших от политических репрессий. В скором времени планируется выход двенадцатого тома «Книги памяти», в которую войдут имена репрессированных, недавно найденные в архивах... Обычно у Мемориала жертв политических репрессий народу бывает много. Цветы, слёзы... Люди, стоят молча, но на лицах можно прочитать: как сделать так, чтобы страшные времена не повторились?

Литература:

1. *Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области.* – Омск : Ом. кн. изд-во, 2003.
2. *Ленен Ги. Паульте, они снова хотят воевать // Из истории лагеря уничтожения.* – М. : Детская литература, 1989.
3. *Саньков М. Марьяновский меридиан.* – Омск : Омич, 1994.
4. *Солдаты Победы.* – Омск : Омский дом печати, 2001. – Т. II.
5. *Суворов В. Выбор.* – М. : АСТ, 2003.
6. *Хрущев Н.С. Воспоминания. Книга I. Время. Люди. Власть.* – М. : Московские новости, 1999.

Источники:

7. *Учётное дело Чуянова А.И. 1930 и 1937 гг. Архивы НКВД.*
8. *Газета «Авангард», № 66 за 01.06.89 г.; № 78 за 29.06.89 г., за 14.07.2000 г.*
9. *Сертификат «Чуянов» из общества любителей Российской истории, Екатеринбург.*
10. *Письма и воспоминания внуков и сестёр Чуянова Акима Игнатьевича.*
11. *Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. – 1989.*

СУДЬБА МОЕЙ СЕМЬИ В ИСТОРИИ МОЕЙ СТРАНЫ

*Миезис А. К.,
учащийся 8 класса МБОУ «Дробышевская ООШ»,
Нововаршавский район, Омская область
Руководитель: Строганова Г.В.,
учитель начальных классов*

Чтобы на свет появилась семья, нужно много встреч, свадеб, ссор, разлук, разочарований. Чтобы появился я, нужно было многим людям встретиться, соединить свои судьбы, родить детей. На это ушло много лет, десятилетий и даже веков, и это случилось, поэтому сейчас я живу и радуюсь случившемуся.

Изучая семейные реликвии, в том числе семейные фотографии, письма, документы, личные дела, награды, слушая воспоминания родственников о моей семье, я понял, как мало о ней знаю...

В 1940-е годы в Прибалтике творилось несусветное – по доносам раскулачивали всех, кто мало-мальски работал и что-то имел. А кто не хотел работать, шли в отряды по раскулачиванию. Семьям середняков

завидовали. Всё отбирали, обрекая семью на голод. Этого показалось мало, решили их высылать. В это время получило распространение такое явление, как «депортация».

Депортация – принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно – под конвоем. В СССР депортация была одной из форм репрессий, выступая в качестве своеобразного инструмента советской демографической и национальной политики. Серия депортаций была организована властями СССР в 1941 и 1949 годах на территориях Латвии, Эстонии и Литвы [4].

В 1949 году была проведена Большая мартовская депортация, которая носила название «Операция «Прибой». Операция «Прибой» – депортация части гражданского населения Эстонии, Латвии и Литвы в Сибирь и отдалённые районы Севера, организованная властями СССР, в ходе которой было перемещено 94 779 человек. Граждан Латвии, в основном, депортировали в Амурскую, Омскую и Томскую области. По пути к местам ссылки много людей из числа депортируемых погибли. В изгнании погибло 12% от общего числа всех депортированных [2].

28 августа 1964 г., то есть 23 года спустя после начала депортации, Президиум Верховного Совета СССР отменил ограничительные акты в отношении депортированного населения, а указ, снявший полностью ограничения в свободе передвижения и подтверждавший право на возвращение в места, откуда они были высланы, был принят в 1972 году. 14 ноября 1989 года Декларацией Верховного Совета СССР были реабилитированы все репрессированные народы, признаны незаконными и преступными репрессивные акты против них на государственном уровне в виде политики клеветы, геноцида, насильственного переселения. В 1991 г. был принят Закон о реабилитации репрессированных народов, который признал депортацию народов «политикой клеветы и геноцида».

Судьба семьи Миезис тесно связана с событиями, произошедшими в Латвии. Мои две прапрабабушки, прабабушка Эва, прадедушка Карл и их дети: сын Айвар и две дочери, Визьма и Бейрута, были депортированы в 1949 году из Латвии.

Ехали долго в неизвестность. По распределению попали в Омскую область. Определены были на постоянное место жительства в село Дробышево. На новом месте приезжих приняли сначала настороженно, но затем они стали как свои. Вступили в колхоз. Прабабушка Эва работала ветеринарным техником, прадедушка Карл – на бахче и в животноводстве. Здесь в 1953 году родился мой дедушка, Миезис Волдис Карлович. Позднее в семье родилась ещё одна дочь, Майга [3].

Когда начали поднимать целину, семья Миезис переехала в близлежащую деревню Моисеевка. И так же как и все трудилась на целинных землях на благо страны. Но как бы хорошо ни было на новом месте, тоска

Фото 3. Миезис Эва, 1956 год

по Родине не покидала их. Поэтому все очень обрадовались, когда в 1964 году были отменены ограничительные акты в отношении депортированных. К сожалению не все дождались этого радостного события. К этому времени уже не было в живых прапрабабушек, прадедушки.

Но жизнь шла своим чередом. Дедушка Волдис отслужил в Советской Армии. Вернувшись домой, в 1970 году дедушка женился на местной девушке Шевченко Людмиле. Работал в совхозе «Победа» механизатором.

Когда в 1972 году были сняты полностью ограничения в свободе передвижения и было получено право на возвращение в места, откуда они были высланы, прабабушка Эва с дочерью Майгой решили уехать в Латвию. К сожалению, как рассказывает дед, они были очень огорчены тем, что увидели на родине: ферма была разорена, в доме проживали чужие люди, земля была занята государственными посадками. Бейрута, сестра дедушки, уехала в Казахстан. Дедушка решил остаться в Моисеевке. Время шло, семья крепла. В 1971 году в семье родился сын Юрий. Затем родились ещё 3 сына: Виталий, Алексей и Денис. В 1983 году родилась моя мама, Юлия.

В 1990-х годах, когда начался распад СССР, дедушка, получив свою долю земли, решил организовать фермерское хозяйство. Наверное, через родительскую кровь моему деду перешла любовь к труду на земле, так как в Латвии у прадеда был свой дом, мельница, крупный земельный надел, пруд, конюшня. Вот уже более 20 лет дедушка Володя, как я его называю, занимается фермерством на сибирской земле в Омском Прииртышье. В этом ему помогают мои дяди. В хозяйстве своя ферма: коровы, поросята. На полях выращивают корм для животных: пшеницу и овёс.

Но, несмотря на то, что дедушка живёт здесь, он не теряет связь со своей исторической Родиной. Осенью 2011 года Моисеевку посетила многочисленная делегация из Латвии. И первым делом они приехали к моему дедушке, на сегодняшний момент, единственному представителю латышей в Моисеевке. Дед показал гостям свои наделы земли, провели кладбище с могилами тех, кому никогда уже не вернуться в родные края Латвии...

Точку в работе ставить ещё рано, ведь родословное древо постоянно пополняется не только за счёт новорождённых, но и, самое главное, за счёт найденных родственников, новой информации о тех, кто уже вошел в историю моей семьи.

Фото 4, 5. Семья Миезис, отец и сыновья

Литература:

1. Данилов А.А. *История России. XX век : учеб. для 9 класса общеобразоват. учреждений* / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – М. : Просвещение, 2000.
2. Кнагис И. *Такие были времена / И. Кнагис. – М. : Дзинтра Гека, 2010.*
3. *Личный архив семьи Миезис В.*

НАКАЗАННЫЙ НАРОД ИЛИ ОПЕРАЦИЯ «ЧЕЧЕВИЦА»

*Джанаралиева Л. Т.,
выпускница БОУ СОШ № 104 г. Омска*

Такое страшное было время.
Врагом народа был сам народ.
Любое слово, любая тема...
И по этапу страна... вперёд!
Но мы-то помним! Теперь мы знаем.
На всё запреты, на всех печать...
Народ толпой по этапу гнали,
Чтоб было легче им управлять...

День памяти жертв политических репрессий проходит в России и других бывших республиках СССР ежегодно 30 октября, начиная с 1991 года. В этот день проходят митинги, различные культурные мероприятия, в ходе которых вспоминают о пострадавших от политических репрессий. Мне хочется вспомнить о репрессиях, которые коснулись моего чеченского народа, вспомнить о своей бабушке Мурдаловой Зайнап Гониевне, ставшей жертвой репрессий, депортации народов.

С 23 февраля по 9 марта 1944 года в ходе операции «Чечевица», проведенной силами НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» под общим руководством наркома внутренних дел Л.П. Берия, почти 500 тысяч чеченцев и ингушей были выселены с территории Чечено-Ингушской АССР в Среднюю Азию и Казахстан. Моя бабушка Зайнап вместе со своей семьей была депортирована в Казахстан.

В 1934 году Чеченская и Ингушская автономные области были объединены в единую Чечено-Ингушскую автономную область. В 1936 году она была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР. В первой половине 1940-х годов здесь проживало 731,7 тыс. жителей, в том числе 387,8 тыс. чеченцев (52,8%), 75 тыс. ингушей (12%), 205,8 тыс. русских (27,8%), 57 тыс. прочих (7,4%). Несмотря на все усилия и репрессии НКВД и регулярной армии, Советской власти так и не удалось «советизировать» или хотя бы установить твердый государственный порядок в чеченских аулах, особенно горных. Население продолжало придерживаться

родоплеменного, «тейпового» уклада, находясь под сильным влиянием мусульманского духовенства (шейхов) и законспирированных подпольных националистических организаций, тайно храня большое количество оружия. При этом за период 1921–1940 годов на территории Горской, а затем Чечено-Ингушской АССР произошло не менее шести крупных повстанческих антисоветских выступлений.

До 1938 года не практиковался систематический призыв чеченцев и ингушей в Красную Армию – ежегодно призывалось не более 300–400 человек. Затем призыв был значительно увеличен, а в 1940–1941 годах проводился в полном соответствии с законом о всеобщей воинской обязанности [1].

После начала войны мобилизация чеченцев и ингушей оказалась фактически сорванной. Как говорится в подготовленном международным фондом «Демократия» сборнике документов «Сталинские депортации. 1928–1953»: *«полагая и надеясь, что СССР войну проиграет, многие муллы и тейповые авторитеты агитировали за уклонение от военной службы или дезертирство»*. Из-за массового дезертирства и уклонения от службы весной 1942 года приказом НКО СССР призыв в армию чеченцев и ингушей был отменен. В 1943 году был разрешен призыв примерно 3 тысяч человек, но почти две трети из них дезертировало. Из-за этого не удалось сформировать 114-ю чечено-ингушскую кавалерийскую дивизию, ее пришлось переформировать в полк. После этого дезертирство также носило массовый характер [2].

Необходимо отметить, что поведение чеченцев и ингушей, дезертировавших из рядов Красной Армии или даже переходивших на сторону противника, не было чем-то исключительным. В общей сложности от 800 тыс. до миллиона советских граждан всех национальностей в годы войны служили немцам с оружием в руках. С другой стороны, согласно данным, обнародованным российским историком Василием Филькиным, на фронтах Великой Отечественной войны сражались 28,5 тыс. чеченцев и ингушей (19,5 тыс. призванных или пошедших на фронт добровольцами плюс девять тысяч тех, кого война застала в армии). По информации чеченского Общества ветеранов войны число участников войны достигает 44 тыс. человек [3]. Многие попавшие на фронт вайнахи проявили себя с самой лучшей стороны. За годы войны 10 вайнахов стали Героями Советского Союза. На войне погибли 2300 чеченцев и ингушей.

С началом войны активизировались антисоветские вооруженные формирования в ЧИ АССР. Всего с начала войны до января 1944 года в республике было ликвидировано 55 вооруженных групп, 973 боевика убито, арестован 1901 человек – боевики или их пособники.

Территория ЧИ АССР практически не была под оккупацией, так что обвинить ее народы в прямом предательстве было непросто. Кроме того, депортация состоялась, когда вермахт уже был отброшен на сотни километров от Кавказа, и, следовательно, явилась не военной необходимостью, а откровенно карательным актом. Решение депорти-

ровать чеченцев и ингушей Президиум Верховного Совета СССР мотивировал тем, что «в период Великой Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в ряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тыл Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против советской власти, а также учитывая, что многие чеченцы и ингуши на протяжении ряда лет участвовали в вооруженных выступлениях против советской власти и в течение продолжительного времени, будучи не заняты честным трудом, совершают бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабят и убивают советских людей». В октябре 1943 года в республику для изучения ситуации ездил заместитель наркома, комиссар госбезопасности 2-го ранга Б.З. Кобулов. В докладной записке Л.П. Берии он писал: *«Отношение чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной Армии. При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из 4733 человек 362 уклонились от призыва. В январе 1942 г. при формировании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава. В марте 1942 г. из 14576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек. ...Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе-сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов»,* – писал Богдан Кобулов [3].

В ноябре 1943 года заместитель наркома внутренних дел В. Чернышев провел совещание с начальниками УНКВД Алтайского и Красноярского краев, Омской и Новосибирской областей. Он, в частности, обсуждал с ними вопросы, связанные с намечаемой операцией «Чечевица» – депортацией около 500 тыс. вайнахов (чеченцев и ингушей). Ориентировочно намечали в Алтайский край, Омскую область и Красноярский край переселить по 35–40 тыс. человек, в Новосибирскую область – 200 тыс. человек. Но эти регионы, видимо, сумели уклониться, и в плане, представленном Берии в середине декабря, дислокация была совершенно иной: горцев распределяли между областями Казахстана и Киргизии. Для поддержания порядка в местах новых поселений намечали открыть 145 районных и 375 поселковых спецкомендатур с 1358 сотрудниками. Был решен и вопрос о транспортных средствах. В целях обеспечения перевозок Наркомату путей СССР предписывалось с 23 января по 13 марта 1944 г. поставлять по 350 крытых вагонов, с 24 по 28 февраля – по 400 вагонов, с 4 по 13 марта – по 100 вагонов ежедневно. Всего сформиро-

вали 152 маршрута по 100 вагонов в каждом, а в целом 14200 вагонов и 1 тыс. платформ [4].

29 января 1944 года нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». 31 января 1944 года Государственный Комитет Оборона под председательством И.В. Сталина издал два постановления о депортации чеченцев и ингушей: № ПГКО-5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» и № ПГКО-5074сс «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов». 17 февраля 1944 года Берия доложил Сталину, что на учет как подлежащие переселению взято 459 486 чел., включая проживающих во Владикавказе и Дагестане. В ходе первой массовой операции (фазы «первых эшелонов») должно было быть отправлено 310 620 чеченцев и 81 100 ингушей.

20 февраля 1944 года в Грозный для личного руководства операцией прибыл Л. Берия вместе с И. Серовым, Б. Кобуловым и С. Мамуловым. В операции были задействованы крупные силы – до 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» и около 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых со всей страны для участия в «учениях в горной местности». Операция была рассчитана на восемь дней [5].

Влияние духовных лидеров было огромным и сотрудничество их в данном вопросе признавалось крайне важным. *«Как партийно-советским, так и духовным лицам, используемым нами, обещаны некоторые льготы по переселению (несколько будет увеличена норма разрешенных к вывозу вещей)»*, – сообщил Берия Сталину. Операция «Чечевица» началась 23 февраля 1944 года в 02:00 по местному времени, когда по радио был передан кодовый сигнал «Пантера». В шесть утра военные начали стучаться в дома и будить хозяев, давая им два часа на сборы. Затем их везли грузовиками к ближайшим железнодорожным станциям и грузили в «теплушки».

Разрешалось брать до 500 кг груза на семью, но фактически большую часть вещей пришлось оставить, поскольку в каждом вагоне должны были поместиться 45 человек со всем имуществом. «Спецпереселенцы» должны были сдать скот и зерно и получить взамен аналогичное количество от властей на новых местах жительства, но в большинстве случаев это правило не выполнялось. Только за 23 февраля, первый день операции, было выселено 333 739 чел., из них 176 950 погружено в вагоны. К 1 марта было отправлено 478 479 чел., из них 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей (было среди них и около 500 представителей других народов, в основном аварцев, выселенных по ошибке). Около 6 тыс. чеченцев из-за снега застряли в горах в Галанчожском районе, операция там растянулась до 2 марта. По официальным данным, в ходе операции были убиты 780 человек, арестовано 2016 «антисоветского элемента», изъято более 20 072 единицы огнестрельного оружия. Скрыться в горах сумели 6544 человека.

В конце 1980-х годов широкую огласку получила операция в высокогорном ауле Хайбах Галанчожского (сейчас на территории Ачхой-Мартановского) района. 23 февраля в районе аула Хайбах пошел сильный снег, заваливший дороги и жители не могли спуститься с гор, чем срывали график депортации. Комиссар госбезопасности 3-го ранга Михаил Гвишиани приказал загнать людей – около 200 человек, по другим свидетельствам – 600–700 человек – в колхозную конюшню и сжечь. Тех, кто пытался вырваться, расстреливали из автоматов. Расстреляли и жителей окрестных хуторов [6].

Для расследования операции в этом районе были созданы две комиссии – в 1956 и 1990 года, однако уголовное дело так и не было доведено до конца. В официальном отчете руководившего операцией в этом районе комиссара госбезопасности 3-го ранга М. Гвишиани говорилось лишь о нескольких десятках убитых или умерших в пути. Кроме того, согласно опубликованному фондом «Демократия» в сборнике документов «Сталинские депортации. 1928–1953», в одном из селений были убиты три человека, в том числе восьмилетний мальчик, в другом – «пять женщин-старух», в третьем – «по неуточненным данным» «самочинный расстрел больных и калек до 60 человек».

Отдельные работники наркомата госбезопасности сообщали о «ряде безобразных фактов нарушения революционной законности, самочинных расстрелах над оставшимися после переселения чеченками-старухами, больными, калеками, которые не могли следовать», но наказания никто не понес. Последними – 29 февраля – родные места покидала национальная политическая элита ЧИ АССР: отдельными эшелонами ее отправили в Алма-Ату. Единственное послабление для элиты состояло в том, что ее везли в нормальных пассажирских вагонах и позволили взять больше вещей. Через несколько месяцев, летом 1944 года, нескольких духовных лидеров чеченцев вызвали в республику для того, чтобы они помогли уговорить боевиков и уклонившихся от депортации чеченцев прекратить сопротивление. Всего, как следует из доклада начальника конвойных войск НКВД генерала Бочкова Берии, в 180 эшелонах по 65 вагонов в каждом было отправлено 493 269 человек (в среднем по 2740 человек на эшелон). В пути родились 56 младенцев и умерли 1272 человека, главным образом от простуды или обострения хронических болезней. *«В переполненных до предела „телячьих вагонах“, без света и воды, почти месяц следовали мы к неизвестному месту назначения... – рассказывал заведующий отделом бывшего Северо-Осетинского обкома КПСС ингуш Х. Арапиев. – Пошел гулять тиф. Лечения никакого, шла война... Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах возле поезда в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших (уход от вагона дальше, чем на пять метров, грозил смертью на месте)... [7]».*

К 20 марта на место прибыли 491 748 депортированных чеченцев и ингушей. В июле 1944 года Берия представил Сталину окончательную информацию: «Во исполнение постановления Государственного Комитета

Обороны НКВД в феврале–марте 1944 года было переселено на постоянное жительство в Казахскую и Киргизскую ССР 602 193 жителя Северного Кавказа, из них чеченцев и ингушей – 496 460, карачаевцев – 68 327, балкарцев – 37 406». Подавляющее большинство вайнахских переселенцев было направлено в Казахстан (239 768 чеченцев и 78 470 ингушей) и Киргизию (70 097 чеченцев и 2278 ингушей). Районами сосредоточения чеченцев в Казахстане стали Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская, Семипалатинская и Алма-Атинская области, а в Киргизии – Фрунзенская и Ошская. Сотни спецпоселенцев, работавших на родине в нефтяной промышленности, были направлены на месторождения в Гурьевской области.

Указом от 8 марта 1944 года 714 участников депортации были награждены «за образцовое выполнение специальных заданий», в том числе боевыми орденами Суворова, Кутузова и Красного Знамени. Однако депортация на этом не завершилась. До конца 1945 года ей подвергались чеченцы и ингуши, оставшиеся по различным причинам на территории республики, проживавшие в соседних областях и республиках, отбывавшие наказание в исправительных колониях и трудовых лагерях, расположенных на территории Европейской части РСФСР, мобилизованные в Красную Армию. По данным отдела спецпоселений МВД, среди возвратившихся с фронта спецпереселенцев Северного Кавказа насчитывалось 710 офицеров, 1696 сержантов, 6488 рядовых.

7 марта 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была ликвидирована Чечено-Ингушская АССР, и на месте районов, населенных чеченцами, был создан Грозненский округ в составе Ставропольского края. В него вошло, однако, менее 2/3 бывшей территории ЧИ АССР; одновременно в его состав добавили северо-восточные районы Ставропольского края, населенные ногайцами, даргинцами, кумыками (до 1937 года эти земли входили в Дагестан) и русскими. Позднее Грозненский округ был преобразован в Грозненскую область (с включением в ее состав бывшего Кизлярского округа). Невключенная в Грозненский округ часть Чечено-Ингушетии – ее бывшие западные и, отчасти, южные районы (то есть собственно Ингушетия) – были переданы Грузии и Северной Осетии, а восточные и юго-восточные (в частности, Веденский, Ножайюртовский, Саясановский, Чеберлоевский в существовавших границах, а также, частично, Курчалоевский, Шароевский и Гудермесский районы) присоединены к Дагестану (топонимические репрессии).

Соответственно, репрессированы были и все ингушские названия, их заменили осетинскими или русскими. Так, Указом ПВС РСФСР от 29 апреля 1944 года районы, отошедшие от Чечено-Ингушетии к Северной Осетии, были переименованы: Пседахский – в Аланский; Назрановский – в Коста-Хетагуровский; Ачалукский – в Нартовский (с переносом центра из с. Ачалуки в с. Нартовское – бывшее Кантышево). Другим Указом ПВС РСФСР (от 30 августа 1944 года) переименованы были все

районы и их центры в Грозненской области. Переселенцы, включая детей, обязаны были еженедельно отмечаться в спецкомендатурах. За самовольное оставление места жительства полагалось 20 лет лагерей.

Власти далеко не везде смогли обеспечить вновь прибывших продовольствием, работой и жильем. Сложно сказать, чего здесь было больше: жестокости по отношению к «предателям» или обычной неразберихи, неизбежной при скоропалительном и массовом переселении. 16 июня 1956 года с чеченцев и ингушей были сняты ограничения по спецпоселению, но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года указами Президиума ВС СССР и Президиума ВС РСФСР восстановлена Чечено-Ингушская АССР, в состав которой были включены три района, изъятые из Ставропольского края и населенные преимущественно казаками и ногайцами – Каргалинский, Шелковской и Наурский. Чеченские земли, отошедшие к Дагестану и Грузии, были почти полностью возвращены, у большинства районов были восстановлены чеченские и ингушские названия.

Сразу после указа десятки тысяч чеченцев и ингушей в Казахстане и Киргизии уволились с работы, распродали имущество и стали добиваться выезда к прежнему месту жительства. Весной 1957 года на родину возвратилось 140 тыс. чел. (при плане в 78 тыс. чел.), а к концу года – около 200 тыс. человек. Власти были вынуждены летом 1957 года временно приостановить возвращение чеченцев и ингушей на родину. Одной из причин была складывающаяся на Северном Кавказе напряженная ситуация – местные власти оказались не готовы к массовому возвращению и конфликтам между вайнахами и занявшими в 1944 году их дома и земли поселенцами из Центральной России и малоземельных районов Северного Кавказа.

Фото 6, 7. Мурдалова Зайнап Гониевна

Все превратности судьбы коснулись и моей семьи. Моя бабушка, Мурдалова Зайнап Гониевна, родилась в 1942 году в Чечне. Девичья фамилия – Раисова. Отец, Раисов Гоня Ульбиевич, был раскулачен. В 1944 году депортирована вместе с семьей в Казахстан. В 1959 году она вернулась на родину. Официально была реабилитирована 10 апреля 2004 года. Уже моей бабушки нет, она умерла 3 февраля 2013 года. Мы вспоминаем о ней теплыми словами. Очень важно изучать прошлое, преодолеть

вать равнодушие и стремление забыть его трагические стороны. Никто, кроме нас самих, этого не сделает. Никто, кроме нас самих, не сохранит историческую память и не передаст её новым поколениям.

По моему глубокому убеждению, память о национальных трагедиях священна. Чрезвычайно важно, чтобы молодые люди обладали не только историческими знаниями, но и гражданскими чувствами. Были способны эмоционально сопереживать одной из величайших трагедий в истории народов. Репрессиям нет оправданий.

Литература:

1. Чечня, 1941–1944: фронт за линией фронта // *Военный вестник*. – 2002. – № 2 (25).
2. Наказанный народ. Как депортировали чеченцев и ингушей // *РИА «Новости»*. – 2008. – 22 февр.
3. Кречетников А. Операция «Чечевица»: 65 лет депортации вайнахов // *BBC Russia*. – 2009. – 23 февр.
4. Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // *Вопросы истории*. – 1990. – № 7.
5. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: Мемориал, 2001.
6. Тимофеева О. Сопrotивляемость организма. – М.: Известия, 2004.
7. Бугай Н.Ф. Депортация народов // *Война и общество, 1941–1945*. – М.: Наука, 2004. – Кн. 2.

РАЗДЕЛ 2. ПО МЕСТАМ ПАМЯТИ МОЕЙ

СУДЬБЫ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ В ИСТОРИИ МОЕГО СЕЛА

*Шевченко П., учащаяся 8 класса
МБОУ «Дробышевская ООШ», Нововаршавский район
Научный руководитель:
Шевченко О.А., учитель географии*

Я – немец с искореженной судьбою,
уставший от наветов и неправд
О родина, я чист перед тобою,
Я верю, что когда-нибудь свобода
развеет клевету и боль обид.
Люблю Россию, ей добра желая,
одной и вечной родине моей!
Лео Майер

Из всех видов миграции (добровольная, вынужденная, добровольно-принудительная) депортация целых народов имеет наиболее глубокие последствия в сфере материальной и духовной, как для всего населения, так и для отдельно взятого человека. На примере российских

немцев можно утверждать, что её отголоски звучат в нескольких поколениях – в старшем поколении (жертвы), их детей (малолетние жертвы), внуков и правнуков (носители исторической памяти). В 1930–1950-е годы массовые переселения людей в СССР стали привычным явлением. Исследователями подсчитано, что в этот период депортации подверглись более 40 групп населения и полностью 15 народов. Репрессирующая повседневность становилась нормой. Следует подчеркнуть, что в основе всех этнических депортаций СССР лежало недоверие властей к гражданам собственной страны, убежденность в их неблагонадёжности [8, с. 17].

История нашего села неотделима от истории страны. Трагические события, связанные с депортацией народов коснулись моей семьи и семей жителей всего села. Изучая историю образования и развития нашего села, автор узнала, что многие жители являются переселенцами из европейской части России. Они оказались в наших местах в результате политики репрессий, но информация об этих людях носила отрывочный неполный характер. Чтобы история судеб искалеченных депортацией не канула в лету, чтобы мы помнили о трагических уроках политических репрессий, необходимо знать истории судеб людей, подвергшихся депортации.

Термин «репрессии» включает значительное разнообразие форм подавления людей. Репрессии (лат. *repressio* – подавление) – карательные меры, наказания, имеющие целью подавить, пресечь что-либо, применяемые как правило государственными органами. Существуют разные формы репрессий: принудительный труд, административное наказание, депортация [1, с. 17]. Среди мер «наказания» непослушных, неблагонадежных в СССР всемерно использовалась и депортация. Проведенные принудительные переселения «объясняли» целым комплексом причин: «неблагонадёжностью», превентивностью мер, конфессиональным фактором, выступлением против преобразовательных мер, участием в бандформированиях, принадлежностью к институтам отжившего строя [1, с. 17]. Так, по данным архива отдела спецпоселений НКВД, в 1941 – первой половине 1942 г. на восток «по государственному заданию» было доставлено 856 340 человек (560 112 взрослых). Всего в Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае и Казахской ССР было расселено на принудительной основе 786 279 немцев [7, с. 17].

Наше село Дробышево, как и многие из сёл Сибири, было основано переселенцами с Украины в годы Столыпинской реформы в 1907 году. Национальный состав населения формировался в основном в процессе заселения его территории. Начиная с 1930-х годов многие российские немцы, латыши, эстонцы были депортированы, то есть насильно вывезены в Сибирь. Наше село не было исключением, и сюда с Поволжья, Крыма, Прибалтики были высланы латыши, эстонцы и в большом количестве немцы (табл. 2).

Депортированные жители села Дробышево (Нововаршавский район Омской области)

Ф.И.О., дата рождения	Дата депортации (полных лет на момент депортации)	Прежнее место жительства	Памятные моменты депортации
Риффель (Эбергардт) Лидия Андреевна (1925)	Август 1941 г. (16 лет)	Саратовская область, с. Пограничное	Страх, разлука с семьей, оставили дом, ненужные люди
Эбергардт Елена Карловна (1918)	Сентябрь 1941 г. (23 года)	д. Графт	Ужас, боль о родном доме, неизвестность, ожесточённость людей
Дроздова (Кайль) Эмма Александровна (1935)	Сентябрь 1941 г. (6 лет)	с. Галка, Добринского района, Саратовской области	Покинули красивый добротный дом, а поселили в сарай, ненависть к людям немецкой национальности
Бернгард (Боргер) Лидия Давыдовна (1918)	7 августа 1941 г.	с. Галка, Добринского района, Саратовской области	Страх неизвестности, разлука с родными, ненависть местных жителей
Бернгардт Лео Генрихович (1955)	Нет сведений	Родился в семье депортированных	По рассказам: страх, ужас, ненависть
Эрлих Эдуард Давыдович (1943)	Нет сведений	По национальному признаку находился на спецпоселении вместе с матерью	По рассказам: тяжелая работа, нет связи с родными, отпустить только через 10 лет после войны
Календарёва (Шира) Эмма Готфридовна (1936)	Сентябрь 1941 г. (5 лет)	с. Галка, Добринского района, Саратовской области	Бедность, отсутствие жилья и еды

Фото 8. Семья Эбергардт (1939 год)

«Мои прабабушка и бабушка на себе испытывали все тяжести депортации, во время которой никого не жалели, высылали всех, несмотря на возраст и социальное положение. Так мои прабабушка, бабушка попали в далекий сибирский уголок нашей страны, в Омскую область, село Дробышево. Дед был отправлен в трудовую армию на Дальний Восток. Так в один миг история страны изменила и историю моей семьи» [1, с. 18].

«Мы все были очень напуганы, нас, как дерево, вырвали с корнями и поселили в чужие сибирские земли. Местные жители нам были не рады. Смотрели на нас с оглядкой. Но выхода не было. Приходилось потихоньку обустроиваться и начинать жизнь сначала» [2, с. 18].

«Само переселение помню плохо, так как была еще маленькой, но по рассказам своей мамы, устраиваться на новом месте было тяжело. Шла война, ненависть людей была направлена в первую очередь на немцев. Из местных с нами никто почти не общался. Приходилось выживать самим. Выжить в чужих землях помогла нам общая беда, которая и сплотила. Тоскуя по своей малой родине, мы вместе встречали праздники, отмечали свадьбы, сохраняя свои обычаи и традиции» [3, с. 18].

Во время депортации поселились в селе Дробышево немецкие семьи с Поволжья: Кейль, Эбергарт, Шира, Рыффель, Бернгардт, Франк, Боргер, Гельвер, Шмид и семья латышей Миезис из Прибалтики.

Политика депортации коснулась и мою семью. Семью моего прадеда Бернгардт Генриха Генриховича выселили 7 августа 1941 года из деревни Галка Добринского района Саратовской области.

«Пришли в деревню солдаты. По указу во избежание предательства, всех вывели ночью в течение одного часа. С собой решили взять только то, что могли унести в руках. На телегах всех привезли в Камышинск. Подходили вагоны, был ужасный гвалт, в один грузовой вагон разместили несколько семей. Страшная была духота, ночью открывали вагон и отцы дежурили, чтобы дети не выпали. На остановках бегали за кипятком. Дома, имущество, хозяйство – всё оставили и бросили, очень сильно переживали, но ещё больше страшил неизвестность. Куда и зачем их везут и вернутся ли когда-нибудь обратно» [4, с. 18].

Мать и 7 детей Бернгардт разбросали по Сибири, Казахстану. Моего прадеда сначала отправили в армию, потом с фронта отправили на золотосные рудники, в трудармию в Майкоин. Трудармия – это та же тюрьма, только люди работали на воле. Платить им ничего не платили, только очень плохо кормили. Жена же с детьми попала в село Дробышево Омской области.

У всех поволжских немцев была одинаковая судьба. В высылке жили очень плохо. Местные жители принимали настороженно, помогать не хотели. Расселяли на фермах, в коровниках и телятниках. «Сестра Эмилия попала в Тюменскую область, её мужа тоже отправили в трудармию, через 3 месяца в течение двух недель умерли двое детей от тифа, после этого её тоже отправили в Челябинск в трудармию. В 1943 году родился сын Эдуард, больше детей не было. Где находятся родственники никто из них не знал. Так и работали до самой Победы, но после нее ничего не изменилось, все были невыездные, под надзором» [4, с. 18].

СПРАВКА
о сроках пребывания под надзором
и отлучении от места жительства

№ _____ от _____ 1954 г. Г.р. Омская

Имя: Э.Д. Эрлих, Дата рождения: 1910 г., Место рождения: г. Омск, Омская обл.

Справка составлена по архивным материалам, дата составления: 1954 г.

Подписано: [Подпись] Начальник Омской области

Фото 9. Справка Э.Д. Эрлих о пребывании под надзором (1941–1954 годы)

Фото 10. Семья Бернгардт (1954 год)

Спустя два года, в 1956 г., комендатуру сняли, по распределению попали в Омскую область, село Дробышево. В течение двух лет все собирались. Все по очереди приезжали и жили у Давида Давыдовича, в небольшой землянке, затем ставили себе землянку и отходили» [4, с. 18].

Фото 11, 12. Справки об изъятии имущества и реабилитации

«Один из братьев, Федор Давыдович, был в плену. Когда освободили, попал в Златоуст, в плену познакомился со своей будущей женой, он и начал искать всех родственников» [5, с. 18].

В 1954 году семья воссоединилась. Работали на лесоповале, уехать никуда не могли, так как не было документов, комендатура не выдавала. Спусти

ся два года, в 1956 г., комендатуру сняли, по распределению попали в Омскую область, село Дробышево. В течение двух лет все собирались. Все по очереди приезжали и жили у Давида Давыдовича, в небольшой землянке, затем ставили себе землянку и отходили» [4, с. 18]. Работали Бернгардт, Боргер, Эрлих добросовестно, поэтому в селе их уважали. Вырастили достойных детей, которые принесли пользу государству. «Когда в 1956 году всех реабилитировали, то сказали, что ни на имущество, ни на хозяйство сведений о конфискации не сохранилось, нет никаких подтверждающих документов» [5, с. 18] (фото 11, 12).

Еще одна жительница села о своей судьбе того страшного времени рассказывала: «Родилась я в селе Галка Саратовской области, 19 июня 1935 года и до начала Великой Отечественной войны жила в родном селе. Село было огромное, состояло из двух больших колхозов. Мне было 6 лет, но память цепко сохранила все моменты жизни, которые происходили. Помню, что по субботам все жители выходили на уборку улиц, подметали. Сгребали мусор, следом ехал извозчик с бречкой и его собирал, поэтому село было чистым и красивым. Родители мои трудились в колхозе. Папа, Кайль Александр Генрихович, работал бригадиром, был членом правления, люди уважительно относились к нему. Мы жили в большом деревянном красивом доме со ставнями, на высоком фундаменте. Мама, Кайль Анна Давыдовна, очень любила цветы, в доме их было огромное множество, большие размещались в кадках, к цветущим она трепетно относилась и располагала их на окнах. Держали корову, поросят, кур.

Наискосок от нашего дома находилась церковь, там венчали молодых. Выращивали все овощи: огурцы, помидоры, капусту, арбузы, дыни, тыкву, свёклу, морковь и табак. Была рыболовецкая артель, на трудодни давали рыбу, село располагалось на высоком берегу Волги. Вечерами мы, ребятня, вместе со взрослыми ходили на берег, садились и смотрели на проходящие по реке теплоходы и пароходы. В темноте они светились зеленоватыми огоньками. Это было так красиво! Всё это было до войны...

Спустя некоторое время, как началась война, в село вошли русские солдаты и объявили

3-дневный сбор, объясняли, что это временная мера, ненадолго и все скоро вернутся в свои дома, так что нет повода для волнения. Многие верили: раз скоро, значит, много вещей с собой брать ни к чему, ехали налегке. Время было – конец августа – начало сентября, на трудодни только что получили зерно, помидоры, огурцы. Зерно рассыпали во дворе для просушки, так оно и осталось там лежать, времени не было его собирать.

Мама постирала бельё, сложила его в корзину, вымыла полы и полила все цветы в доме. Открыли двери сараев, клетки и выпустили на улицу корову, телёнка, поросят – ухаживать за ними было некому. К дому подъехали две подводы. На одну погрузили домашний скарб, сели на неё мама с папой, я и брат Лёня, ему тогда было всего 2 месяца; завернутого в пелёнки и одеяльце, мама держала его на руках. На вторую подводу погрузили сундук, на неё сели дядя Яков Генрихович и дедушка Генрих Генрихович. Привезли к станции, туда уже съехалось много подвод. Вскоре подошел эшелон с телячьими вагонами, приказали грузиться. Что тут началось! Стоял такой невообразимый шум: скрежет телег, лязг железа, рыдания, душераздирающие крики, испуганное ржание лошадей. Кто приехал на своих подводах, распрягали лошадей и отпускали в степь. Вагоны заполняли людьми настолько, что нечем было дышать. Туалет в вагоне был отгорожен простынёй, в него отпускали только тогда, когда шел поезд. Началась длинная дорога пути. Ехали целый месяц до г. Омска. Иногда поезд загоняли в тупик, тогда несколько суток стояли, ждали отправки. Отцы бегали за кипятком, всё сжималось от страха: в любое время могли без предупреждения подать поезд, а вдруг папа не успеет вернуться? Наш поезд шел на восток, а навстречу – на запад – шли поезда с военной техникой.

В дороге ели всё своё, что взяли из дома. Мама напекла много булочек, приготовила мясо в манитре (глиняной посуде). Булочек хватило до конца пути, они уже местами покрылись плесенью, её счищали и ели, никто нас и не думал кормить, так что выкручивались как могли.

В Омске нас выгрузили на вокзале и повезли к Иртышу. Подогнали 2 баржи, одна шла к Затону, другая к Черлаку. Плыли на барже, иногда причаливали к берегу на часок-другой, куда по списку высаживали

Фото 13. Дроздова (Кайль) Эмма Александровна

семьи. Я крепко сжимала в руках чемоданчик, ни на минуту с ним не расставалась, там у меня лежали лакомства, взятые из дома: виноград, морковь, груши. Мальчишки: Роберт Франк и Сашка Кельгорн выхватили его у меня, чемоданчик упал за борт и утонул. Ревевела ужасно. Знать бы им сорванцам, как он был для меня дорог – как святыня, ведь он был памятью о доме.

Наша семья попала в Дробышево, а с нами семьи: Боргер, Франк, Киммель, Кельгорн. Выгрузили на ферме и определили жить в «бугаятник». Мне исполнилось тогда 6 лет, но я до сих пор помню, какой я испытала ужас, когда увидела, куда нас привезли. Непривычно было видеть низенькие землянки, плохо одетых людей, у многих были вши. В моём родном селе цивилизация шагнула уже далеко! А здесь земляные дома, да ещё заставляли жить в помещении для скота, проще говоря в сарае. Я упиралась, кричала со слезами: «Я не пойду! Я не хочу жить в сарае!».

Местные, особенно женщины выскочили посмотреть на нас, почему-то они думали, что немцы рогатые. Им было в диковинку видеть, что немцы – обычные люди, не страшные, чисто одетые. Мама надела красивый халатик, туфли на каблуках. И из толпы доносились голоса: «Ишь, буржуи разодетые!».

В январе 1942 года многих мужчин забрали в трудармию, даже женщин брали, у кого дети были постарше, не брали только тех, у кого грудные дети. Маму тоже хотели забрать, но она взяла меня и брата и закричала: «Стреляйте, меня! Никуда я не поеду и детей не брошу!». Её не тронули, остались одни женщины, дети да старики.

Конечно условия были ужасные: в «бугаятнике» надо топить печь, спичек нет. Заночевал у нас один шофер, у него канистра. Поставил он эту канистру, безо всякого умысла на пол, а Катерина Франк решила растопить печь, плеснула, но не знала, что не керосин это, а бензин. Полыхнуло так, что и комната занялась огнём и сама она загорелась, как факел. Бегаёт, охваченная пламенем, а мы, малышня, трясемся от страха. Мальчишки, кто постарше, догадались на неё одеяло накинуть. Дядя Давид выбил окно, стал выбрасывать детей и вещи в окно, путь к дверям был уже отрезан огнём. Мой братик, 7-месячный Лёня, остался в горящем сарае. Мама прибежала, всё горит, и она не через окно, а через дверь, через огонь бросилась спасать сына. Всё горело, волосы горели на голове, а Лёню найти не может. Выскочит наружу, оботрётся снегом и снова в огонь. Может кто свыше сжалился, помог, может случайно, но наступила мама Лёне на ручку, он заплакал. А Катю увезли в больницу, но она очень сильно обгорела, лечить, сказали, бесполезно и вернули домой. Она немного пожила и умерла. Конец января, лютовали морозы, чтобы похоронить Катю, посоветовались женщины и решили раскопать свежую могилку, а весной перезахоронить. Так и сделали, но местные подняли такой бунт, жаловались в райком, чтобы немедленно заставили перезахоронить: не хватало ещё, чтобы фашистка лежала в одной могиле с нормальными людьми. Приехал участковый, потребовал, чтобы убрали. Три дня жен-

щины сменяя друг друга, рубили топором скованную морозом, как каменную, землю. Искры летели! Но могилу Кате выкопали.

Жили плохо, голодали, своего дома не было, жили по чужим землянкам, огорода тоже не было. Ходила на чужие, уже выкопанные, огороды, собирала оставленную картофельную мелочь. Когда помогала соседям в сборе картошки, и они уходили обедать, меня с собой не звали, а я тем временем собираю картошки, отнесу в дальний угол, вырою ямку, туда её сложу, закопаю, сверху палочку поставлю, чтобы заметно было, вечером приходила забирать свой клад домой. Такое было непростое время, приходилось выживать, рано взрослеть» [3, с. 18].

Еще одна семья была депортирована в наше село. Календарёва (Шира) Эмма Готфридовна родилась 31 декабря 1936 года в селе Галка Добринского района Саратовской области. В год депортации ей было 4 года. Со слов мамы она вспоминает: «Были на поле, убирали рожь, мама была поваром, над ними летели самолёты по три в ряд. Тогда ещё никто и не знал, что началась война. Бригадир отправил домой печь хлеб и сушить сухари, через два дня сказали, что они должны все уехать. С собой можно было брать одну тонну вещей, продуктов брать с собой на 1 месяц. Мы жили небогато, запретили брать даже фотографии. Ехали месяц. Особо ничего не помню. Но в память взрослось, что на больших станциях давали горячую еду: суп с макаронами, и сверху плавали кусочки колбасы. Когда приехали, ничего не было: ни жилья, ни топки, ни одежды. Нас отправили сначала в Богдановку, там выделили 1 пуд (16 кг) пшеницы. Жили три семьи в одной землянке. Когда её помазали и подладили, появилась хозяйка и заявила, что будет её продавать.

Немногие местные жители потихоньку помогали – кто кусочек свеклы даст, кто картошки. У нас вообще ничего не было есть. Однажды дедушка попросил сдохшего быка, ободрал шкуру, разделил на куски, сварили и съели. Кожу нарезали полосками, высушили и из неё варили суп.

На отце была бронь, он был хороший механизатор, его забрали осенью 1942 года в Казань, а мать 1943-го – в Челябинск, в трудовую армию. В 1944 году нас с братом перевезли в Дробышево. Отношение было очень хорошее. Местные жители делились с нами пищей: жиром, кровью, тонкими бараньими кишками. Когда доили овец, то нам с братом перепало чуть-чуть молока. Благодаря такой нехитрой еде мы выжили.

Одета я была в вязаные тапочки, рубашки, нижнего белья не было. В 10 лет пошла в первый класс, так как не знала языка и надеть было нечего. Отец вернулся осенью 1948, а мама осенью 1949 года, 6 лет не были вместе» [6, с. 18]....

В 20–30-е годы XX века огромное количество граждан Советского Союза были арестованы, осуждены, расстреляны, насильственно переселены. Среди них оказались родные и близкие многих из нас. Память о них мы должны нести в своем сердце и передавать следующему поколению. Это необходимо всем нам, чтобы извлекать уроки из истории и не повторять ошибок ее страшных периодов. Для меня и моих сверстников это

далёкое прошлое, а для людей, всё это переживших, – годы тяжелых испытаний. С каждым годом стираются из памяти общества трагические события начала века: раскулачивание крестьянства, депортация народов, ГУЛАГ и другие жесткие действия тоталитарного режима. И долг нынешних поколений – всегда помнить о тех страшных страницах истории, о тех событиях, которые навсегда оставили свой след в памяти и судьбах нашего народа. Каждый ныне живущий гражданин обязан не только помнить, но и постоянно трудиться над тем, чтобы это вновь не повторилось.

Литература:

1. Данилов А.А. *История Россия, XX – начало XXI века* : учеб. для 9 класса. – М. : Просвещение, 2007.
2. Зверев В.А., Кузнецов Ф.С. *История Сибири: Хрестоматия по истории Сибири.* – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2003.
3. *Изучая прошлое, создаем будущее* / под. ред. З.А. Халюта. – Омск : ООИПКРО, 2000.
4. Кожухарь А.А. *География Омской области* : учеб. пособие для средней школы. – Омск : Ом. кн. изд-во, 2001.
5. *Нововаршавский район: история и люди* / под. ред. П.А. Брычкова. – Омск, 2004.
6. *Полевая опись № 1 «Воспоминания старожила села Дробышево».* Начата 10 сентября 2009.
7. *Земля рождения, земля судьбы: Очерки. Беседы. Воспоминания.* Раздумья : сб. ст. / сост. Е.А. Кожухова. – М. : Педагогика, 1987. – 296 с.
8. Бугай Н. *Депортация народов* // *Научно-просветительский журнал «Скепсис».* – URL: http://scepsis.net/library/id_1237.html.

Источники:

- [1] *Воспоминания Риффель (Эбергардт) Лидии Андреевны, 1925 г.р. Полевая опись № 1.*
- [2] *Воспоминания Эбергардт Елены Карловны, 1918 г.р. Полевая опись № 1.*
- [3] *Воспоминания Дроздовой (Кайль) Эммы Александровны, 1935 г.р. Полевая опись № 1.*
- [4] *Воспоминания Бернгардт (Боргер) Лидии Давыдовны, 1918 г.р. Полевая опись № 1.*
- [5] *Воспоминания Бернгардт Лео Генриховича, 1955г.р. Полевая опись № 1.*
- [6] *Воспоминания Календарёвой (Шира) Эммы Готфридовны, 1936 г.р. Полевая опись № 1.*

СУДЬБЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ЖИТЕЛЕЙ КОЛОСОВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

*Мясникова А. С.,
учащаяся 11 класса БОУ «Колосовская СОШ»
Научный руководитель:
Бондаренко Д.В., учитель истории*

*«Поломанные судьбы, Вы нестерпимой болью
Разбитые надежды В сердцах людских живете
Невинные по сути, И памятью-любовью
Ушедшие навечно. Земную скорбь несете».*

По-настоящему страшными для нашей страны стали годы Советской власти. Миллионы людей были подвергнуты репрессиям за политические и религиозные убеждения по национальным, социальным

признакам. Сталинские лагеря вырывали из нормальной жизни рабочих и крестьян, учёных и военных, представителей церкви и интеллигенции. Только в 1923 году в СССР было создано 65 концлагерей для осуждённых «врагов революции».

В 1917 году В.И. Ленин впервые употребил термин «враг народа» применительно к политическим противникам. В 1937–1938 годах, после назначения Н. Ежова, этого яркого приспешника Сталина, наркомом внутренних дел, страну захлестнула волна небывалых массовых арестов, радио и печать клеймили этим термином жертв сталинских репрессий: «Враг народа», «Сын врага народа», «Мать врага народа». Тридцатые годы породили чудовищную аббревиатуру «ЧСИР», что значит «член семьи изменника родины». Этого клейма самого по себе было достаточно для арестов, ссылок, лагерей, даже казни.

Страшные отголоски многолетнего террора и массовых преследований властями своего народа и по сей день не дают спокойно жить тем, кто прошёл через эти жуткие испытания. Особенно тяжело тем, кто эту страшную трагедию пережил, будучи ребёнком, на чьих глазах происходили аресты родителей, кто сам становился изгоем в родной стране. Согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны от 24 июня 1942 года «О членах семей изменников Родине» подлежали аресту и ссылке в отдалённые местности СССР на срок в пять лет совершеннолетние члены семей лиц, осуждённых судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания (расстрелу) по ст. 58-1а УК РСФСР за измену Родине в различной форме. Членами семьи изменника Родины считались: отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сёстры, если они жили совместно с ним (ней) или находились на их иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны. Нередко с этими лицами отправлялись в ссылку и их дети.

Областная газета «Омская правда» постоянно печатала материалы о разоблачении врагов народа. Редкая передовая статья обходилась без призывов к поиску врагов. Часто перепечатывались передовицы из «Правды», в которых неизменно содержались требования этого рода. Образец разоблачений давала партия.

На партийных собраниях, активах, конференциях открыто раздавались обвинения врагов, назывались адреса, по которым нужно направлять удары [4, с. 19].

Выявление и выкорчёвывание врагов народа принимало широкий размах. К поискам врагов приобщался народ. Ещё шире развёртывалось доносительство. Известный омский учёный и писатель В.М. Самосудов в книге «Большой террор в Омском Прииртышье (1937–1939)» повествует о зловещих фактах сталинского лихолетья. Так, по доносу 9 сентября 1937 года был арестован Агеев Михаил Игнатьевич, 1867 года рождения. Образование низшее. Колхозник. Национальность – русский. В семье одиннадцать детей. Приговорён 29 сентября 1937 года «тройкой» при

УНКВД по Омской области по ст. 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 4 октября 1937 г. в Таре. Реабилитирован 25 ноября 1960 г. председателем Омского областного суда за отсутствием состава преступления (П-6018).

С № 91 по № 98 – группа из Колосовского района. Все приговорены к расстрелу. Среди них: Таранников Никанор Никитович, Таранников Петр Михайлович, Таранников Кузьма Артемьевич, Таранников Никита Михайлович [4, с. 61].

С № 26 по № 54 значатся обвиняемые из Колосовского района. Из 29 человек к расстрелу приговорены 25. Из села Бражниково – 7 человек. К расстрелу приговорены Котляр Иван Евстигнеевич (1871 г.р.), Ткачев Дмитрий Макарович (1877 г.р.), Бражников Никита Иванович (1879 г.р.), Бражников Захар Иванович (1893 г.р.), Позняков Моисей Семенович (1882 г.р.) [4, с. 92].

Приговорены к расстрелу крестьяне Колосовского района: Нагеев Степан, Зубов Петр, Сафонов Яков, Иванов Петр, Вставский Андриан, Нагеева-Порываева Евдокия. Обвинение предъявлено большой группе жителей Колосовского района. Здесь 26 человек обвинялись в принадлежности к кулацко-вредительской организации. В обвинительном заключении руководителя «организации» Щербачева Константина Анатольевича говорилось: «...получив задание от репрессированного троцкиста Лепило вести к.-р. агитацию среди рабочих совхоза, провел организационную работу, создав из скрывающихся от репрессий кулаков к.-р. кулацко-вредительскую группу в совхозе № 128, завербовав 4 кулаков, расширил к.-р. группу через них до 24 человек...». Был истреблен целый родовой корень Плоцких: Никита, Семен, Егор Алексеевич, Прокопий Егорович, Иван Игнатьевич. Расстреляны: Щербаков К.А., Красноперов И.Я., Щеглов Ф.Г., Балыков Г.И., Авдеенко Е.Т. (1860 г.р.) и другие из Колосовского района» [4, с. 146].

Много лет прошло с того времени. Но и в обозримом будущем будет будоражить умы, порождать вопросы, почему это произошло. Даже по колосовским событиям можно представить, с какой жестокостью шёл брат на брата во имя своих идей и целей и, кажется, не осталось на просторах страны такого села, где бы ни свистели смертельные пули, ни сверкали бы кровавые штыки...

Было и ещё одно широкое поле деятельности врагов. Секретарь обкома Д. Булатов определил его таким образом: «Особую активность классовый враг проявляет через служителей религиозных культов, через сектантов, в отдельных случаях успешно спекулируя на слабо охваченных нами политической жизнью малограмотных и религиозных людей». В области это была крупная сила. «Духовенство – это тоже контрреволюционные элементы. По нашему подсчету, у нас в области имеется действующих 125 церквей, имеется 143 попа, 790 человек церковного актива, членов церковного Совета. Сектантских общин 26, вокруг них организовано свыше 1000 сектантов...» [4, с. 27].

В Колосовском районе, по данным Областного архива, в 1925 г. имелось семь православных церквей: во Владимировке, Колосовке, Корсино, Крайчиково, Кутырлах, Сафоново, Строкино. Но во всех приходах Колосовского благочиния в это время служили, по всей вероятности, пять священников, ведь во Владимировском храме службы проводил священник Сафоновской церкви отец Павел Дурьгин, а колосовский священник отец Пётр Богданов умер в 1924 году. Здание церкви подлежало закрытию и сносу.

Отец Константин Фролов прослужил в Корсинском храме один год, после отца Павлина Диалектова, который умер в 1936 году. Жительница села Корсино, прихожанка Колосовского храма, Фомина Раиса Афанасьевна собрала воспоминания корсинцев об отце Константине. В июне 1937 года священник пошёл пешком в Колосовку по вызову органов НКВД. Больше его никто не видел, и многие десятилетия ничего не было известно. И только, когда вышло из печати книжное издание «Забвению не подлежит», стало известно о трагической судьбе отца Константина. В 1937 году он был арестован, обвинён в контрреволюционном заговоре и принял мученическую смерть за веру.

В 1937 году органами НКВД Омской области было сфабриковано дело о контрреволюционной организации «Сибирское братство» с центром в городе Таре, филиалом которой придумали и «Колосовскую контрреволюционную повстанческую группу». Арестовали и осудили 14 человек из разных сел Колосовского района, в Корсино – 7 человек, в том числе, священника К.Ф. Фролова. По версии сотрудников НКВД, основу «повстанческой группы» сформировал отец Павлин, после смерти которого во главе «Повстанцев» оказался отец Константин.

Постановление «тройки» УНКВД Омской области от 14 сентября 1937 года о расстреле Фролова К.Ф. было приведено в исполнение в городе Таре 17 сентября 1937 года. Через два дня были расстреляны псаломщица А.А. Диалектова, церковный староста Е.С. Вяткин, верующие Н.С. Черепанов и И.Р. Шумель. А И.И. Коробкин и С.Г. Фролов были приговорены к 10 годам лишения свободы. Все они были прихожанами Корсинской церкви. Реабилитирован отец Константин и все другие лица по этому делу 5 марта 1960 г. президиумом Омского облсуда за отсутствием состава преступления [2, с. 6].

Судьбы священников Крайчиковского и Строкинского храмов после их закрытия нам пока неизвестны. В настоящее время возвращены добрые имена множеству невинных, оклеветанных, замученных и расстрелянных людей. Но с каким тихим мужеством и достоинством вели себя в этих немислимых, невероятных обстоятельствах наши колосовские священники,

Фото 14. Крест святым отцам

показав всю красоту и благородство своих душ. Они приняли мученическую кончину за веру и Христа, за простых людей. Крест святым отцам, расстрелянным в годы Советской власти (на территории Церкви во имя святых апостолов Филиппа и Иакова, Омская область, Колосовский район, село Колосовка) поставили благодарные потомки.

В течение 1937 года по решению Омской «тройки» было расстреляно 11 тысяч человек, ещё 6 тысяч отправлено в лагерь. Плановая «зачистка» продолжалась и в 1938 году. Репрессиям были подвержены ещё 82 тыс. омичей. Государство признало вину перед гражданами своей страны за преступления коммунистического режима [1, с. 35].

Омский поэт и писатель В.П. Новиков в книге «Колосовские тополя» делится впечатлениями: «События происходили в марте 1930 года, тогда Семёну Беспалову исполнилось 17 лет. Жил он без отца и матери в доме деда. Молодёжь тогда работала наравне со старшими от темна до темна. В стране шла коллективизация. Земля из единоличного пользования изымалась и передавалась в коллективное хозяйство. В районе организовывались колхозы. Вокруг ломались старые привычные устои во имя, как нам говорили, „светлого будущего деревни“. Далеко не все с радостью воспринимали это событие, эти перемены, таких стали называть „кулаками“. А „кулаков“ в то время в районе, можно сказать, не было – одни крестьяне-средняки да бедняки. Конечно, было поначалу много колеблющихся и сопротивляющихся вступлению в колхоз. И всё же, строго, сопротивления крестьян, как это часто можно прочесть в литературе тех лет, в нашем селе не было. Люди в колхоз шли, расставаясь со слезами с коровами, овцами, лошадьми.

Прочно в обиход вошли термины «кулак», «подкулачник», «кулацкий выкормыш», «кулацкий подпевала». И боязно было, если тебя таковым назовут. Кого причисляли к «кулакам»? Кто не хотел идти в колхоз или ранее имел ветряную мельницу или молотилку, что и было по закону, или крышу под тёсом, или просто сундук большого размера. В органах власти составлялись списки на таких людей для высылки с конфискацией всего имущества. Рьяно вершил судьбы людей в Строкино уполномоченный, некто Мальцов. У многих семей было забрано имущество, и они были высланы зимой на Кулай, а летом – в Нарымскую тайгу – на баржах по Иртышу и Оби. В этом далёком речном пути умерли от дизентерии и мои родственники, как я узнал потом от одного вернувшегося из таёжного ада.

С начала марта через Строкино по старому Тюкалинскому тракту на Тару и далее на Васюганские болота потянулись обозы высылаемых из южных районов Омской области и Тюменской. Обозы были такие длинные и многолюдные, что начало обоза было в центре нашего села, а конец – где-то в соседнем Плахино. Днём и ночью комсомольцы села дежурили с ружьями при сельсовете, патрулировали улицы, стояли в оцеплении села, чтобы никто из этих высылаемых не смог убежать. Обозы ссыльных шли через Строкино почти каждый день. Что они со-

бой представляли? Сотни санных повозок, крытых пологом или каким-то тряпьем. Ссылным разрешалось брать в дорогу коня, сани и продукты. А уж по прибытии к месту, как говорили, будут кормить. У многих продукты кончились уже по дороге. В Строкино, увидав церковь, люди выходили из своих кибиток, крестились, читали молитвы «во спасение души». Народ выходил на улицы и смотрел на это всё со страхом. Конвоиры на лошадях с винтовками сновали туда-сюда. Впереди обоза и сзади – вооружённые милиционеры в кошевках.

И вот однажды вызвали Семёна Беспалова в сельсовет, приказали погрузить ссылную семью и везти дальше по маршруту. Отказаться было невозможно. Прямо на улице передали эту семью. Что были за люди, он не знал. Вступать в разговоры с ними не разрешалось. На каждой подводе – только старики, женщины, дети. Вид у всех измученный дальней дорогой, холодом и голодом. Мы понимали, что в стране творится что-то страшное, непонятное. Смотреть друг на друга и разговаривать было совестно. Дорога дальняя: через Колосовку, Корсино, Орлово до Тары. Вокруг – снега метровой толщины. А дорога местами разбита до голой земли.

В Таре у тюрьмы оставили мы ссылных и вернулись по другой дороге, ибо ехать навстречу потоку таких обозов – сплошное мучение. Вернулись домой, а через три дня опять велят в дорогу. На этот раз передали семью, которая была откуда-то из другой области: старик, женщина молодая и пятеро мальчиков от полугода до семи лет. Этот обоз был также длинный и многолюдный. Ехали по тому же маршруту, но мимо Тары через Иртыш и далее на деревню Самсоново, Васис и голую тайгу. От дальней дороги и недостаточного корма лошади обессилили. Поэтому не доезжая до Васиса мы, строкинские, устроили своих ссылных на квартиры и опять вернулись домой более короткой дорогой через Пологрудово, Ложниково на Ишкуль. Вернулись с тяжёлым сердцем, горькими мыслями, понимая, что ждёт этих людей в холодном и голодном краю.

А летом разыскал меня незнакомый мужчина. Спрашивает: «Возил кулаков? Отвечаю: «Возил, старика, женщину с пятью мальчишками». Он сказал, что это его семья. Беспалов рассказал ему всё. Мужчина этот шёл по маршруту своей семьи от села до села. Нашёл ли, застал ли кого в живых – не знает. Вот так был я свидетелем высылки людей, поставленных кликой Сталина вне закона, никем не контролируемого и виноватых только в том, что они, может быть, жили как-то по-другому и не подходили под определённую сталинскую мерку. Судьба сотен этих людей теперь в период гласности стала известной – она трагична. Много лет прошло с тех пор, но события марта 1930 года не дают людям покоя всю долгую жизнь» [2, с. 19].

В феврале 1938 года на Строкинском маслозаводе арестовали девять финских «шпионов». Все они числились как чернорабочие. Была такая должность, самая унижительная, самая низкооплачиваемая. Плохо знавшие русский язык, угрюмые, неразговорчивые, выполняли работу, как

старые загнанные лошади, погруженные в свою тоскливую думу. За что пострадали «строкинские финны»?

...Когда-то в царское время Финляндия входила в состав России, и многие финны в разные годы свободно переходили на территорию России, особенно на вольные сибирские земли, где основывали целые посёлки. Но в 1932 году в Союзе уже был закон, что нарушение границы СССР с другими странами считается преступлением и преступников следует задерживать и судить. Финны, помыкавшись по пограничным областям Советского Союза без гражданства и документов в поисках работы и лучшей доли и не найдя её, ринулись обратно в Финляндию. Вот тут-то пограничники и задерживали их. Далее – суд, и каждый получил по три года высылки в Сибирский край. Этапом их доставили в Омск, потом в Тарский округ, а там распределяли кого куда. Вот так финны на бесправном положении оказались в Строкино. А без документов, без гражданства их определяли только на такое предприятие государственного значения, где ты не нужен, а отбывать свой срок необходимо. Его они и отбывали, но их не отпускали. А куда ехать без документов, без денег? И граница на замке. Жалобы, просьбы не рассматривались. Письма уничтожались. Но в январе 1938 года Сталин и Ежов приказали: надо опять изыскать ещё утаившихся контрреволюционеров, шпионов, диверсантов. Вот и вспомнили про всех иностранцев, которым проще предъявить обвинение в шпионаже, контрреволюционной агитации. Всех их этапировали в Тару, где выколачивали признания. Почти девять месяцев финнов держали в Тарской тюрьме, пока где-то в верхах решали, что с ними делать. Но расстрел произвели всех в один день – 26 ноября. Трех обвиняемых финнов из Колосовского района: Кукка Алмари Ивановича, Янхунен Отто Вильевича, Лимат Калле Югановича приговорили к 10 годам ИТЛ.

Какова дальнейшая судьба осуждённых финнов по «мягкому приговору» – неизвестно. Но известно, что пересмотр судебных дел «шпионов» начался уже в следующем году. Большому началству стало ясно, что все дела сфальсифицированы [2, с. 35]. Реабилитированы были все. Кто теперь может вспомнить об этих «шпионах», в реальность которых, может кто-то и поверил без сомнения? Взяли, значит, в чём-то виноваты перед Советской властью. И только через годы в результате больших перемен в государстве и в сознании многих людей раскрылась наконец-то истинная правда тех трагических лет, когда цена человеческой жизни равнялась стоимости одного патрона.

Поколение, рожденное в последней четверти XIX века и в начале XX столетия, за редким исключением ушло из жизни. Поколение, растерзанное не только войнами с иностранцами, но и братоубийственной гражданской ушло оклеветанное и обманутое. Расстрелянное и замученное в концлагерях и суровой ссылке в необжитых краях Севера.

Работа по исследованию трагических судеб жителей нашего поселка, пострадавших от политических преследований, в настоящее время

своевременна и очень необходима как дань Памяти тем, кто безвинно пострадал во времена сталинских репрессий. Этих людей становится всё меньше и меньше...

Действительно, все пострадавшие от репрессий – это люди удивительных душевных, моральных и нравственных качеств. Пройдя через множество тяжких испытаний, они не утратили доброты, чуткости, способности понимать, сочувствовать и в любой момент приходиться на помощь ближнему. Они не перестали любить страну, отвернувшуюся от них. Их оправдали, реабилитировали, предоставили льготы, а они никого не спешат ругать, осуждать, обвинять. И понимая это, всё яснее чувствуешь вину перед этим загубленным поколением, но не сломленным, не опустившимся до ожесточения.

Память об этом поколении должна сохраниться в следующих поколениях. Это историческая память. Она нужна для того, чтобы не распалась связь времен... Без исторической памяти у предыдущих поколений не будет своей истории. Прекратится история народа – уйдет с исторической арены сам народ.

Литература:

1. Булавкина О.С. *Как не любить мне эту землю.* – Омск, 2013.

2. Новиков В. *Колосовские тополя // Новый Вымпел.* – 2007.

3. Самосудов В.М. *Большой террор в Омском Прииртышье, 1937–1938 гг.* – Омск, 1998.

ДВА СЕРДЦА: ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА ГОРТОП

*Демиденко И.,
учащийся 8 класса МБОУ «Никольская ООШ»,
Усть-Ишимский район
Научный руководитель:
Дмитриева Л.И., учитель русского языка*

История России полна подлинного величия. Мы гордимся боевыми, трудовыми, научными и культурными достижениями наших предков. Всё, что происходило в нашей стране, эхом отзывалось на нашей малой родине. История нашего села неотделима от истории России. Мы гордимся земляками, ветеранами Великой Отечественной войны и тружениками тыла. О них в музее нашей школы собран большой материал. В последнее время он стал пополняться материалами, связанными с периодом репрессий 30–50-х годов XX века. Разговаривая с родственниками, мы узнали, что родители моего отца тоже подверглись репрессиям. Мне захотелось узнать об их жизни побольше.

Репрессии – одна из самых трагических страниц летописи истории нашей страны и края. Голод, страдания, лишения пришлось пережить миллионам граждан России. События того времени, коснувшиеся мно-

гих семей, сохранились в памяти на всю жизнь. Система репрессий не щадила никого: ни детей, ни взрослых, ни руководителей, ни представителей и самой этой системы. Тяжкий труд с малолетства на «спецпоселениях» подорвал здоровье детей, лишил их детства на обжитых местах, возможности получить достойное образование и работу.

В 1936 году по указанию руководства Омской области в Усть-Ишимском районе основали новое поселение «Омское городское топливо», которое вскоре стали называть Гортоп. На живописном берегу Иртыша селяне готовили дрова, лес и их отвозили в Омск. Размещали здесь в основном ссыльных, неблагонадёжных, репрессированных по законам Советской власти. Жили в бараках. Работа была тяжёлая: валили лес, вывозили к реке, пилили, грузили на баржи. Планы заготовок всегда были завышены, но поселенцы их перевыполняли, получали за свой труд мизерные зарплаты.

Ещё больше увеличилась численность населения Гортопа в военные и послевоенные годы. Сюда депортировали немцев с Поволжья, переселенцев с Украины. Так в Гортопе появились семьи Клоперданц, Ивасюк, Роик, Машталер, Дериглазовых. После смерти Сталина в 1953 году в Гортоп больше не выселяли людей.

Жители оставались в Гортопе до 1970 года. В посёлке было 2 магазина, клуб, контора леспромхоза, пилорама. Дети ходили в школу в Никольск, село, которое располагалось на горе. В 1970 году леспромхоз закрыли, потому что лес выпилили и вывезли. Весной часто Иртыш разливался и подтоплял дома, стоящие на самом берегу. Многие ссыльные получили разрешение переехать в Усть-Ишим, Скородум, Аксёново.

Последней осталась жить в Гортопе семья Демиденок Петра Филипповича и Екатерины Степановны, мои бабушка и дедушка. Нередко в их дом стучались вечером, ночью, когда нужно было срочно переправиться через Иртыш. Дедушка никому не отказывал: перевозил на своей деревянной лодке. В Никольск дедушка с бабушкой переехали в 1990 году.

Родился мой дедушка, Демиденок Пётр Филиппович, 1 сентября 1937 года в с. Андреевка Тевризского района Омской области. Родители, Наталья Емельяновна и Филипп Николаевич, добровольно поехали в Сибирь поискать свободной земли да и осели в селе. Отец работал в лесу, мать хозяйничала дома, так как в семье было пятеро детей, да ещё пятеро умерли маленькими – болели. В 1941 году Филипп Николаевич по повестке ушёл на фронт. Воевал под Москвой. В 1942 году их отряд не выдержал натиска немцев и отступил. Всех бойцов расстреляли как изменников Родины.

Наталью Емельяновну с детьми сослали в Усть-Ишим, а затем привезли в Никольск и оставили на произвол судьбы. Их приютила семья Черновых. Дом у них был большой. В одной половине жила Наталья Чернова с пятью детьми (муж у неё погиб на фронте), другую – отдали семье Демиденок.

В 1943 году Наталья Чернова умерла, и Наталья Демиденок стала матерью для пятерых детей Натальи Черновой. В хозяйстве Черновых была

корова, садили огород картофеля, овощи. Жить было трудно, голодно. Но не жаловались на свою долю, жили честно. Так семья Демиденок осталась в Никольске.

В 1944 году Пётр пошёл в 1 класс. После окончания школы поступил на работу в Утускунскую организацию мотористом. Перевозил товары от Аксёнова до Утускуна (около 35 км) на моторной лодке. В 1958 году стал работать киномехаником. В 1960 году был назначен мотористом киноустановки, а вскоре отправили его в Новосибирск на годичные курсы. Учился с удовольствием, время пролетело быстро. В 1961 году Пётр Филиппович был отправлен в Тавинскую администрацию с передвижной киноустановкой. Бывал с фильмами в деревнях Витальевке, Михайловке, Большой и Малой Таве, Котелино (многих деревень уже нет). Обслуживал 7 деревень.

В 1962 году Пётр Филиппович женился. Выбрал себе девушку из Гортопа, из семьи ссыльных, Машталер Екатерину. В конце шестидесятых годов стал работать киномехаником в Гортопе, пока не закрыли клуб. В 1974 году назначен мастером Усть-Ишимской дирекции. Часто приходилось ездить по району, ремонтировать киноустановки, ставить новые. С 1986 года начал работать в Никольской киноустановке. Работал до самой пенсии. За свою работу Пётр Филиппович был награждён 4 раза Почётными грамотами Дирекции киносети, имеет знак «Отличник кинематографии», звание «Ударник коммунистического труда», медаль «Ветеран труда» и несколько благодарностей.

В 1989 году на имя старшего брата Константина пришло письмо из области о реабилитации Демиденок Натальи Емельяновны, о том, что приговор о ссылке отменён. Матери и брата уже не было в живых, письмо передали Петру Филипповичу. Не в обиде он был на государство, ничего требовать не собирался. Умер мой дедушка, Демиденок Пётр Филиппович, 12 июня 2015 года.

Бабушка, Машталер Екатерина Степановна, родом из Украины. Родилась она 22 марта 1932 года. Большой дружной семьёй жили в селе Покровцы Жидачевского района Львовской области. Домик был небольшой, а в семье – 5 детей. Жили бедно, хотя и держали большое хозяйство. 21 октября 1947 года всех жителей села собрали на площади и назвали семьи, которые будут вывезены в Сибирь. Причины не называли, просто сказали, что на Украине голод и потоп, а в Сибири будет лучше. По какому принципу выбирали семьи, не сказали. В чём провинились, никто не знал. Родители, конечно, знали, но детям не говорили: боялись, что кому-нибудь проболтаются. Только сказали, что если расскажут, то расстреляют всю семью. Собрали вещи, продукты и ночью вывезли всех из села и погрузили в товарные вагоны. Ехали на поезде до Омска 2 недели. Еду готовили сами, выдавали только «пайку» хлеба. Из Омска отправили в Тару. Там работали в леспромхозе. Местные жители относились хорошо, никто «врагами» не называл, даже помогали, жалели ребятишек.

В 1950 году леспромхоз ликвидировали, и всех рабочих отправили в Усть-Ишим. Добирались на пароходе. Из Усть-Ишима привезли в Гортоп, поселили в барак. Жили дружно, помогали друг другу. Никто не обижал. Пока не ликвидировали леспромхоз, трудилась бабушка на лесоповале: валила лес, обрубала сучки, работала на пилораме, на погрузке леса. И только в последние годы перешла работать техничкой в колхоз «Новая заря», где и трудилась до пенсии. В 1989 году пришли документы о реабилитации. Сейчас бабушке 83 года. Вспоминать о своих молодых годах она не любит, да и многое уже позабылось.

История – это память народа, дающая знание того, что было. А было разное. Было то, чем по праву гордимся, бережно храним, поклоняемся, было и то, о чем долгое время предпочитали молчать, или просто стыдно было вспоминать. Но это наша история. И какой бы она ни была, нам нужно её знать, чтобы не совершить новых ошибок.

Мне жаль, что совсем немного удалось узнать от моих бабушки и дедушки о времени их молодости. За 80 лет их жизни многое изменилось в нашей стране, многое ушло в историю. А ведь жизнь людей менялась вместе с историей страны. А история России складывается из истории отдельных населённых пунктов, а история родного края из истории людей, живущих в этом краю.

Литература:

1. Ожегов С.И. *Словарь русского языка / под ред. С.П. Обнорского.* – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.

2. *Депортации народов в СССР // Википедия.* – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Депортации_народов_в_СССР.

3. *Самая массовая депортация украинцев.* – URL: <http://rusevik.ru/ukraina/209707-den-istorii-proizoshla-samaya-massovaya-deportaciya-ukraincev.html>.

4. *Преступления СССР. Депортация украинцев // Восход.* – URL: <http://opd-voshod.livejournal.com/1104918.html>.

5. *Материалы школьного музея.*

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ БАБЫ АНИ

*Гуралюк Е.С., учащийся 9 класса
МБОУ «Аксёновская СОШ»,
Усть-Ишимский район, Омская область*

Баба Аня стояла у калитки и с завистью и грустью смотрела вслед грибникам, уходящим летним утром, пока еще не было палящей жары, в лес за грибами.

– Принесите мне хоть немного на жарёху, – попросила она.

– Принесём, обязательно принесём, бабушка.

Да, ещё совсем недавно, каких-нибудь два-три года назад, она сама раньше всех вставала и, подхватив лукошко, бежала в лес. И так каждый

день. Не потому, что ей надо было много грибов, а просто не могла она жить без леса, тем более он совсем рядом, рукой подать. Не болели бы ноги, разве сидела бы она сейчас дома. Ведь исполнилось ей 90 лет, а Анна всё не может понять, как быстро промчалась жизнь. Долгими вечерами, лёжа в постели, она вспоминала прожитые годы, которые, словно кинокадры, пронеслись в её голове. Вот родная деревня Соседно Псковской области. Край был лесной, несколько хуторов объединились в колхоз, где и работали родители Анны. Детские годы закончились со смертью отца в 1938 году, приходилось вместе с младшим братом выполнять всю тяжёлую работу, помогать матери. А тут вскоре война. Это были самые трагические годы, о которых Анна очень не любит вспоминать, но они время от времени напоминают о себе, как страшный бесконечный сон. В их деревне появились фашисты, но недолго, так как эта деревня находилась в стороне от железной дороги и окружена была глухими лесами. Поэтому немцы, отняв у жителей продукты, птицу, мелкий скот, двигались дальше к Ленинграду. Анна помнит, как услышав гул самолётов и шум машин, женщины с детьми бежали прятаться в лес, где сидели по несколько дней, питаюсь сырой картошкой, костры жечь боялись: вдруг заметят с самолёта и начнут стрелять. Но однажды, это было весной 1942 года, люди не успели скрыться в лесу, появились немецкие автоматчики в сопровождении старосты и отобрали четверых молодых людей, среди которых была и Анна. Ничего не объяснив, велели только собрать вещи и еду, их погнали пешком в сторону железнодорожной станции. На станции их ждала толпа таких же молодых людей, подростков. Там посадили их в товарные вагоны и отправили в неизвестный путь. Целую неделю длилось это путешествие. Их не кормили, и вообще не обращали на них внимания. Наконец состав остановился, и пленников вывели на станцию. Оглядевшись, Аня с ужасом поняла, что их привезли в Германию. Несколько дней их держали в бараке, покормив, наконец, какой-то жидкой баландой с капустой. Потом явились автоматчики, отобрали группу молодых ребят и снова погрузили их на поезд, отправив дальше. Наконец их выгрузили и повели пешком до каких-то сооружений, ограждённых колючей проволокой. Аня услышала, как кто-то сказал: «Бухенвальд». Потянулись страшные дни, когда утром и вечером их строили на перекличку, а днём заставляли работать в казармах. Аня видела, как рядом с их бараком из печей шёл едкий чёрный дым, она услышала, что там сжигают людей. Сколько страха натерпелась семнадцатилетняя девушка. Но вот однажды рано утром несколько человек вывели из барачных построек по двое и повели на широкую дорогу. Все терялись в догадках – куда их ведут, неужели расстрел? Тогда почему это не сделали в лагере? Они шли целый день. К ночи уставшие и голодные пришли в городок Кузель. Аню и ещё несколько человек завели в большой дом, где их поджидали новые хозяева. Они придирчиво осматривали с ног до головы, заглядывали в рот, щупали. Один упитанный немец забрал Аню, сел на велосипед и поехал, а она вынуждена была бежать

за ним. Так Аня оказалась в немецкой помещичьей семье. Утром началась тяжёлая изнурительная работа до позднего вечера. Работать приходилось и в доме – мыть, убирать, и в поле – пахать, косить, сеять, и на подворье – ухаживать за скотиной, доить, кормить. Хозяйке нравилась добросовестная трудолюбивая девушка. Но однажды, когда Аня без спросу надела старое бельишко хозяйки (просто носить было нечего), та, разгневавшись, чуть не повесила её. Уже и петлю соорудила, да вовремя опомнилась.

Фото 15. Баба Аня
(Анна Филипповна
Булатова)

В апреле 1945 года в городок вошли американцы и велели всем невольникам собраться снова в лагере. Когда Аня и другие работники вошли в Бухенвальд, там уже хозяйничали союзники. Вскоре группу русских, в которой была и Аня, передали советским войскам, но до отправки на Родину они ещё несколько месяцев находились в расположении военных. Но не сидели без дела, а работали в госпиталях: стирали бельё, чистили овощи для кухни. Делали всё с радостью, так как ждали возвращения домой. В Берлине Аня встретила своего будущего мужа – старшего лейтенанта Булатова Алексея Филипповича. Вместе с ним уехала не в Псков, а на его родину в п. Тевриз Омской области. А в 1948 году они с мужем завербовались в Аксёновский леспромхоз, который только начал строиться. Работала у коменданта, штукатурила строящиеся дома. Так и прожила Анна долгую, полную испытаний жизнь, которую трудно назвать счастливой.

Фото 16. Ученики в гостях
у Анны Филипповны Булатовой

Анна Филипповна – моя соседка. Часто бабу Аню приглашают в школу на встречу с учениками (примечание: когда готовилась книга к печати, пришло известие о смерти бабы Ани). Они всегда удивляются, как в далёком таёжном селе, где не было войны, рядом с ними живёт человек такой необычной судьбы. Ведь они знают о войне только по фильмам и книгам, а тут живой человек, переживший не только ужасы войны, но и ужасы концлагеря. А баба Аня, каждый раз заканчивая встречу, говорила: «Не дай Бог вам, детки, пережить когда-нибудь такие страшные годы, только бы не было больше проклятой войны».

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА В ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

СТАЛИН: ГЕНИЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ?

*Гуралюк Е.В.,
учитель русского языка и литературы,
МБОУ «Аксёновская СОШ»,
Усть-Ишимский район, Омская область*

«Но кто из нас годится в судьи –
Решать, кто прав, кто виноват?
О людях речь идёт, а люди
Богов не сами ли творят?»

*А.Т. Твардовский.
Из поэмы «За далью – даль»*

Случайно наткнулась в газете «Литературная газета» на письмо некой Марии Ивановны Кучеренко, которая высказывает личное мнение под заголовком «Писать о Сталине, но как?». В газете не указывалась ни профессия автора, ни её возраст, хотя можно предположить, что это пожилой человек, живший в эпоху И.В. Сталина. Вот несколько выдержек из её письма: «Неужели во всём виноват Сталин? Неужели нам враг он, с которым мы воспитывались, росли, сражались на фронте, восстанавливали страну? Портреты сняли, памятники уничтожили, труды его запретили, а что в них антинаучного – об этом ни слова». «Мы все хотели, чтобы наш вождь был лучше всех, – ведь он олицетворял нашу партию. Его было за что уважать. Вот говорят: „большая кровь“, имея ввиду ВОВ. Да, много крови пролито на войне. Но отчего? Что у нас было на вооружении? Было ли у нас достаточно грамотных людей? У нас совершенно не было времени подготовиться к войне, да и средств тоже». Далее автор письма с обидой говорит о поэтессе Р. Казаковой: «Как могла она замахнуться на святое „за Родину, за Сталина“? Это значит бросить грязью в лицо погибшим – у меня погибло 8 братьев. Именно любовь к Родине делала чудеса героизма, такого подъёма энергии я не видела больше». Затем Кучеренко обрушивается на роман А. Рыбакова «Дети Арбата»: «По нему, И.В. Сталин только и думал, кого бы убить, сослать, арестовать, а его герои неплохо жили. В мою бытность по ресторанам студенты не ходили и морально были более чистыми, чем герой романа Саша Панкратов». Автор письма также говорит о достойном поведении вождя на Потсдамской, Ялтинской и Тегеранской конференциях. А также с глубоким уважением отмечает, что И.В. Сталин потерял сына – когда ему предложили обмен – он достойно ответил, что солдата на фельдмаршала не меняет. Заканчивает своё письмо автор словами: «Сталин заслужил уважение, признание всех, ненависть – наших врагов. Да, были у него ошибки.

Но кто в те годы взял на себя смелость открыто об этом сказать? Где были мы с вами? Струсили? Вы, очевидно, не напечатаете моё письмо. Я просто высказала своё мнение». Письмо было напечатано, почему-то оно не вызвало откликов. Но хочу сказать, что подобные мысли высказывают и сейчас многие люди. Причём это мнение не только пожилых людей, живших в эпоху сталинизма, молодое поколение также иногда выражает подобные мысли: «Эх, был бы жив Сталин, он бы сейчас навёл порядок в стране». И не случайно, наверно, когда центральное телевидение предложило выбрать из ста лучших людей России, сыгравших огромную роль в истории, на первом месте оказался Александр Невский, а на втором – И.В. Сталин. Это уже не отдельное мнение неизвестной Марии Ивановны, это мнение тысяч и тысяч людей. Во многом можно согласиться с автором письма. Но вот сама же она пишет: «Да, были у него ошибки...». Но какой огромной ценой заплатила страна за эти ошибки.

Обратимся к истории. 30 октября – День памяти жертв репрессий. Волной прокатились репрессии по нашей стране. Первая приходилась на 1928–1931 гг. Закрывали церкви, их служители подлежали высылке или были расстреляны. Вторая волна захватила простых тружеников, не желавших подчиняться суровым, казарменным требованиям дисциплины в колхозах и на заводах. Кульминация волны для деревни пришлась на 1932–1933-е гг., а для города – на 1939–1940-е годы. Третья волна захватила народнохозяйственные, партийные, государственные, военные, научно-технические кадры и остатки старой творческой интеллигенции.

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Сталинский режим делал всё, чтобы опереться на пробудившийся в народе искренний патриотизм. Чрезвычайно велика была цена, заплаченная народами СССР за победу в этой войне. Разрушено 1710 городов, сожжено свыше 70 тысяч сёл и деревень. Погибло около 27 миллионов человек. С трудом страна поднималась из руин после войны. Параллельно продолжалось укрепление личной власти диктатора. И снова волна репрессий, жертвами которых стали бывшие военнопленные, в том числе и ни в чём не повинные люди. Крупнейшие лагеря, в которых отбывали наказания заключённые, находились на Соловках, Колыме. В них царили беззаконие и произвол: «Знайте! Вы сюда присланы не для исправления! Горбатого могила исправит». Из 84 тысяч заключённых Соловков погибло 43 тысячи. В Колыме из 2,5 миллионов погибло 950 тысяч человек. Умирили от истощения и болезней. В системе ГУЛАГа большое значение придавалось и Сибири. СибЛАГ насчитывал более 63 тысяч узников. Сталин достиг своей цели – в Сибири, как и во всей стране, воцарилась атмосфера страха. Никто не чувствовал себя в безопасности. Замечая следы преступления, вождь распорядился уничтожить свидетелей – прежде всего руководителей НКВД. Сотни рядовых следователей сами оказались в пыточных камерах в роли обвиняемых.

Сибирь в период террора превратилась в своего рода полигон НКВД, в место ссылки спецпереселенцев и средоточие лагерей, колоний ГУЛАГа.

Огромные человеческие потери понесли все слои общества: крестьяне, рабочие, интеллигенция, военнослужащие. Десятки сосланных репрессированных оказались и в нашем посёлке Аксёново: украинцы, немцы, калмыки. С Западной Украины попала в далёкую сибирскую тайгу Кофлюк Мария Дмитриевна. Она вспоминает о том, сколько пришлось перенести ей страданий, боли и потерь, прежде чем попасть в Сибирь.

«Ещё в первые дни войны фашисты вывезли всех молодых и сильных людей с захваченных территорий в Германию. Из моей семьи забрали двух старших братьев – Ивана и Илью, а меня, восемнадцатилетнюю, и мою сестру Прасковью отец сумел спрятать. Наконец война закончилась, но оказалось, что самое страшное ждало нас впереди. В 1946 году меня арестовали за пособничество бандеровцам. А вина моя состояла в том, что приходилось отдавать припасы, когда те прятались в лесах, а кормились продуктами, насильно забранными у населения. А как было им отказать – утаишь кусочек хлеба или живность какую, могли на месте расстрелять всю семью. Когда меня арестовали, каждую ночь вызывали на допрос. Бывало, что били, унижали: раздетых до гола заставляли на улице садиться в снег. И это не считая того, что совершенно не кормили, почти не давали пить, а продолжали избивать и унижать. По приговору суда попала в Магадан, на лесоповал. Самым страшным был переход по морю на теплоходе: пятнадцать суток везли в трюмах и не позволяли даже выходить на палубу, вдохнуть чистого воздуха. Трюмы были забиты людьми так, что лежать было негде, стояли и сидели на корточках, спали, свернувшись клубочком. Кормили баландой. Тех, кто умирал, выбрасывали за борт. В Магадане разместили в бараки, в которых сплошь стояли двухъярусные нары. Постоянно мучило чувство голода. Если вечером выпадал снег, то к утру его уже весь собирали – так или иначе оставались женщинами, и этим снегом надо было и умыться, и постирать. Долгое время не выдавали одежду, люди замерзали. Работать на лесоповале было очень трудно, нормы заготовки были невышены. За малейшую провинность бросали в карцер. Тех, кто в лесу терял сознание, волокли за ноги по узкоколейке, ударяя головой о шпалы, в лагерь живых уже не доносили...

В лагере вместе с нами сидели и настоящие уголовники, они были страшнее тюремного начальства. Через пару лет за хорошее поведение меня перевели на парники. Вот там уже было полегче – и питались лучше, и не мёрзли, как в лесу, и рядом работали вольнонаёмные, помогали

Фото 17. Бригада репрессированных с Украины (предоставлено М.А. Кофлюк)

нам, чем могли. Там же, в лагере, познакомилась с парнем, прошедшим всю войну, но по оплошности попавшим в Магадан. Вместе с Петром приехала на воссоединение с родителями, которых сослали в рабочий посёлок Кайтым Омской области. Возвращаться на Украину было нельзя, решили остаться в Кайтыме. Пётр работал на мотовозе, а я занималась домашним хозяйством. Вскоре переехали в Аксёново, где родились дочь Ирина и сын Володя»...

Таких рассказов, свидетельств тех страшных лет террора в нашей школе собрано много. Это наша живая история.

К счастью, в настоящем происходит переосмысление действий властей прошлых лет. Выжившие в то страшное время реабилитированы, и государство пытается компенсировать ущерб, нанесённый этим людям и их потомкам. От истории никуда не уйдёшь, ничего в ней не исправишь. Мы можем и должны гордиться тем, что построили и создали. Но не менее важно осознать и те большие потери, которые были нанесены стране репрессиями. Чтобы представлять, какой могла бы быть жизнь и судьба наших отцов и дедов, судьба многих из нас, чтобы никогда не допускать повторения времён беззакония и произвола.

Литература:

1. Кучеренко М.И. *Писать о Сталине, но как?* // Литературная газета. – 2011.
2. *Рассказ очевидца Кофлюк М.А.*

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

*Кузнецова Н.В.,
учитель русского языка и литературы
БОУ «Нагорно-Ивановская СОШ»
Тарского МР Омской области*

Мы живём в очень интересное, насыщенное событиями время, время, когда происходят перемены не только в социально-политической жизни страны, но и в духовной жизни. И она, эта духовная жизнь, хотим мы этого или нет, незримыми нитями связана с прошлым нашей страны. У нас сегодня, к счастью, есть ещё возможность обратиться к этим составляющим думать воспоминаниям.

Репрессии 1930-х годов... Эти слова выжжены на судьбах миллионов ни в чём неповинных людей: разворошенный и разорённый очаг, страх, поселившийся в сердцах, слёзы, застывшие в глазах, и живая боль, заполнившая душу: «Враг народа!». Как ядовитая краска въедается в кожу, так и этот приговор беспощадно заполнял каждую клетку человека, переворачивая в нём всё вверх дном. Свалившееся горе сбивало с ног, лишало сил, убивало надежду, ставило пожизненное клеймо на целые поколения семей. И только самые сильные, в ком горел огонёк веры в лучшее, спаслись, выкарабкались и выжили.

В последние годы много говорят о том, какой страшный ущерб Отечеству был нанесён 1937 годом. За годы политических репрессий 32 тысячи наших земляков прошли через стенки ГПУ–НКВД–КГБ. Нет ни одной категории граждан, которую не задели великие «чистки». Анализируя собранные Тарскими архивами документы, свидетельства, публикации о политических репрессиях, можно условно выделить три их главных этапа: массовое раскулачивание 20-х – начала 30-х гг. и связанная с этим кулайская трагедия; в это же время – избиение всех тарских священников; широкое разоблачение и истребление «врагов народа» в 1937–1938 гг.; карательная политика органов НКВД по отношению к переселённым в Тарский район немцам Поволжья, калмыкам, западным украинцам и молдаванам.

Сам термин «репрессии» появился в Таре и стал широко употребляться с конца 1929 года. Дело было связано с экономическим удручением наиболее благополучных сельских подворий.

С 1929 по 1953 год жертвами сталинских репрессий стало свыше 21 млн человек. В Омской области уже в начале сплошной коллективизации, к апрелю 1930 года, выявили для раскулачивания 11,2 тыс. крестьянских хозяйств, а в мае раскулачили и выселили на север более 8,4 тыс. семей.

Романенко Никифор Наумович родился в 1912 году. Уроженец деревни Калачёвка Тарского района Омской области. Русский, малограмотный, член колхоза имени 2-й Пятилетки. Арестован 26 июля 1941 года. Приговорён 9 декабря 1941 года Омским облсудом по ст. 58-10 ч. 2, ст. 74 ч. 2 УК к 10 годам лишения свободы РСФСР в ИТЛ с конфискацией имущества. Реабилитирован 1 июля 1994 года Президиумом Верховного суда РСФСР по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР за отсутствием состава преступления. Имя Романенко Никифора Наумовича занесено в «Книгу памяти жертв политических репрессий Омской области». Романенко Никифор Наумович – человек, с которого можно брать пример во всём. Его дети живут и трудятся в селе Нагорном, Тарского района, Омской области.

Гордеева Полина Никифоровна, дочь Никифора Наумовича, 1939 года рождения: «Я помню, как забрали моего отца. Мне было 5 лет. К нам домой пришли какие-то люди. Они сказали отцу: „Собирайся!“ Я испугалась и схватилась за юбку мамы (я самая маленькая, в семье было 4 детей). А накануне отец зашёл в сельсовет и сказал: „Вы кулаки сидите тут, а я пойду защищать Родину от фашистов“. На следующий день начались наши мучения. У нас забрали всё: кур, овец, корову и какое было имущество. Мама долго пыталась помочь отцу, но тщетно. Всё, что не забрали, она отдала тем, кто обещал отпустить отца. Но её обманули. Мы остались ни с чем, было очень трудно. Но мы выжили, мы помогли вести хозяйство.

Прошло время, отец вернулся домой, в родную Калачёвку. Наша семья работающая. В своей родной деревне он вместе с другими мужчинами построил новую школу, клуб. У Матрёны Сергеевны (моей мамы) с отцом родился пятый ребёнок, Николай.

Я вышла замуж в Седельниковский район, деревня Вознесенка. Отец часто приезжал ко мне в гости. И однажды у нас в гостях был Михель, человек, который вместе с другими людьми донёс на моего отца. Он попросил, чтобы никогда Михель не переступал порог моего дома, и я согласилась. ...Годы, проведённые в лагере, давали о себе знать, здоровье пошатнулось, но папа продолжал бороться, никогда не показывая, что ему больно»...

Сталинские репрессии, искалеченные судьбы репрессированных, разбитые жизни. Стоит ли нам, молодому поколению, не знавшему войны, голода и разрухи, помнить о том, что было в далёкие 1930-е гг.? Слушая рассказы моей учительницы, следуя за её мыслью, разделяя её чувства, я всё больше убеждалась: стоит! Все мы в долгу перед прошлым и будущим, каждый из нас отвечает за своё время, которое это будущее готовит. Но не бывает ответственности без чувства памяти. Воспоминания того поколения – живая боль о времени, когда была развязана война против своего же народа. И мы должны знать об этой боли и помнить о ней. Будущее в наших руках, и наша прямая обязанность – изучить ошибки прошлого и не допустить их повторения.

Литература:

1. *Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. – Омск : 2000–2004.*
2. *Данные Обл. ЦДНИ, архива УФСБ области, материалы сельского музея.*
3. *Из воспоминаний Романенко Полины Никифоровны, октябрь 2014 г.*

ЗАГВАЗДИНО

*Гоношилов В.,
журналист, путешественник*

...У села удивительная история. В середине семнадцатого века его основал казак Загваздин, выходец из Тобольской округи. Село стоит на берегу озера Телюган. Озеро названо не просто так. Когда казак заключал договор на аренду земли с местными татарами, за ними с неба наблюдал ястреб, или «телюган» по-татарски. Птица, скорее всего, тотемный символ рода, считалась главным свидетелем и гарантом сделки.

К началу XX века в селе проживало около 900 человек, нынче в нем – 480 жителей. В 1906 г. здесь появилась церковь с 20-метровой звонницей. Об этом очень подробно рассказывается в «Истории села Загваздино», написанной местной учительницей литературы Зоей Семеновой. Книга напечатана в единственном экземпляре на принтере сельской школы.

Церковь была поставлена на кирпичный фундамент, а строилась из смолистого крученого и кондового леса. Обычно это сосны, растущие на гривах. Их древесина, свободная от излишков воды, обладает особой прочностью. Особо почитаться церковь стала с лета 1919 года. В этом году, в сенокосное жаркое время, загорелся окраинный дом. По-

жар, перекидываясь от избы к избе, обещал уничтожить все село. Однако дойдя до церкви, огонь внезапно стих. Половина села осталась целой.

Почитаемость церкви не спасла ее от испытаний, которые наступили в последующие годы. В 1921 году красноармейцы утопили в Телюгане священника, отца Федора. Бросили связанным в прорубь. Мыс озера, у которого случилась казнь, знает каждый житель деревни. В тридцатых, это период двух кампаний – разгрома церквей и создания колхозов – священника, пришедшего на смену отцу Федора, определили в свинопасы. Раньше пас человеческие души, теперь попаси свиньи. Люди изобретательны на издевательства. Кстати, история сохранила имена людей, которые ломали храм, сбивали кресты с куполов (пастух, колхозный сторож).

В бывшей церкви, как было принято, и зерно хранили, и фильмы крутили. Затем ее разобрали. Из церковных бревен построили больницу. Все, что осталось от церкви, – огромная сосна, которая росла в ограде храма. Для загваздинцев сосна является символом родного села. Они ее обязательно показывают гостям. Кирпичный фундамент церкви скрыт под грядками частного огорода...

Из особенностей новой истории ныне отмечают прекрасный мемориальный комплекс, посвященный памяти репрессированных и раскулаченных. В селе 45 человек числятся среди пострадавших от советской власти. Фамилия Загваздиных в этом скорбном списке встречается 6 раз.

В начале 90-х годов соорудили мемориал, в состав которого вошла стела с полным списком репрессированных селян. История создания мемориала проста и потрясающа одновременно. Приехали в село выпускники худграфа Омского пединститута. Предложили проект памятника, он был их дипломным проектом, председатель колхоза согласился. Мемориал стоит, а вот имена его создателей уже утрачены. А ведь прошло всего полтора десятка лет...

Фото 18. Обелиск репрессированным загваздинцам

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА ХРИСТА

*Безделева М.В., учитель Кайсинской
основной общеобразовательной школы
пос. Кайсы Усть-Ишимского района Омской области*

Посвящается отцу Алексию Камневу, священнику храма святого Василия блаженного в селе Вятка Усть-Ишимского района Омской области,

расстрелянному за веру в 1937 г. в г. Тара, его супруге, матушке Александре, их дочери, монахине Марии, и всем страдавшим за Христа в годы гонений на церковь русским православным людям.

1.

Завьюженный, заснеженный,
Погодой не изнеженный,
За далью непроезжую
Родимый край лежит.
Тайгою необъятною
За елями косматыми
От глаз чужих упрятанный,
Но Богом не забыт.

Сто лет назад сюда пришли
Во глубь Сибири-матушки
Крестьяне в поисках земли,
Построили село
И, Вяткою назвав его
В честь Родины оставленной,
В нём Божий храм поставили,
Чтоб с верой жить могло,

Чтоб дети их и внуки
Освоили науку,
Как жить, не зная скуки,
Молитвой и трудом.
Когда кому-то нужно,
То за день, всей округой
За дело взявшись дружно,
Могли построить дом.

На совесть здесь трудились
И Господу молились,
Помочь всегда спешили
Вдовицам, старикам,
И немощным, и бедным,
И сирым наши деды,
И радости, и беды
Делили пополам.

Неторопно движение
И жизни, и служения,
Василию Блаженному
Народ молился тут.

Уже сто лет стоит тот храм,
И в наши дни молитва там
Опять восходит к Небесам –
Монахи здесь живут,

Храня воспоминания
Об Алексии Камневе,
Который в годы давние
Здесь батюшкой служил.
Не помышлял о славе он,
Но Богу отдал главное –
За веру православную
Живот свой положил.

Далёко от Сибири он
В краю рязанском был рожден
И Алексием наречен
В крещении святом.
Небесным покровителем
Московского святителя
Бог дал ему. Родителям
Послушен был во всем,

Он с детства Божий храм любил,
Где и отец его служил,
И там отраду находил
В молитве ко Творцу,
И службе Божией внимал,
И слово каждое слагал
Он в сердце и его вверял
Небесному Отцу.

2.

Но вот пришла его пора
Себе супругу выбирать,
Затем чтобы главою стать
Семейства самому.
Богата эта, та знатна,
Та и красива, и умна,
Но только всё же ни одна
Не нравилась ему.

Красивый, статный молодец,
Везут его по городу,
Невесту ищут добрую,
Чтоб всем была под стать.
Вдруг видят: у дороженьки
Стоит – босые ноженьки,
И в платице поношенном,
Собой во всём проста,

Девушка неприметная,
Зато лицом приветлива.
И тут он душу светлую
В ней сердцем угадал,
Велел остановить коней,
Сказал, что женится на ней
И с ней бы до последних дней
Всю жизнь прожить хотел.

Тут мать её заплакала:
Кого же вы посватали?
Мы люди небогатые,
И дом у нас сгорел.
Вы шутите, наверное,
Но Бог супругу верную,
Во всяком деле первую
Помощницу послал

Ему на годы долгие,
Смирненную и добрую,
Чтоб вместе скорби многие
Им легче испытать,
И так, рукою об руку
Идя земной дорожкой,
А после и за гробом
Пред Господом предстать.

Дал Бог им деточек троих.
И уж сыночка нет в живых,
Потом вдовою дочка их
Осталась молодой.
Чтоб ей помочь растить детей,
В Сибирь он с матушкой своей
Переезжает поскорей,
Взяв третью дочь с собой.

3.

Настало время страшное,
И стала сила вражия
Глумиться и куражиться
Над русскою землёй.
Тогда и в эту сторону
Слетелись чёрны вороны,
Служители проворные
Бесовской силы злой,

Той, что Царя убила,
Россию разделила,
Между собой стравивла
Одной страны людей,
Что Бога «отменила»
И храмы разорила,
Иконы заменила
Портретами вождей,

Которая и в Вятке
Ввела свои порядки,
И всё, что было свято,
Поругано людьми.
Кресты они спилили,
Иконы изрубили
И вскоре позабыли
О вере и любви.

И совесть потеряли,
Невинных притесняли.
По всей Руси крестьянам
Непросто стало жить.
Всех, кто трудился честно
И каждый день воскресный
Шёл в церковь всем
семейством,
Решили погубить.

Запасы выгребали,
Скотинку отбирали,
Насильно принуждали
Людей в колхоз вступать,
Иных, что кулаками
Презрительно называли,
В лесную глушь ссылали,
В болота – умирать.

И в Вятке храм закрыли.
Священника с родными
В сторожке поселили,
Велели наложить
На Батюшку налоги.
Доходов-то немного.
С надеждою на Бога
О помощи просить

Вдоль улицы неспешно
Шёл Батюшка с тележкой,
И люди шли, конечно,
Навстречу старику.
Хоть сами жили бедно,
Делились с ним последним,
Несли ему в телегу
Картошку и муку.

Но тяжелей всего ему,
Что в храме клуб устроили
Те, чьи отцы построили
Ещё недавно храм.
Алтарь его священный
Наполнив всякой скверной,
Они назвали сценой
И бесновались там.

Ещё совсем недавно
Их в этом самом храме
Крестили и венчали,
Им Бог грехи прощал.
Теперь им не до Бога,
И стал врагом народа
Священник, что все годы
Их с детства причащал.

Его арестовали
И, не жалея старости,
Пешком идти заставили
За шесть десятков вёрст.
И так путём неблизким
От Вятки до Тевриза
Помучить и унижить
Водили на допрос.

Потом в тюрьме держали,
А после в граде Таре
С другими расстреляли
Его в тридцать седьмом.
У дочери с супругой
Забрали вещи, грубо,
С издёвками и руганью,
Велев покинуть дом.

Но люди, что любили
Отца их Алексия,
Ещё не позабыли
Любовь и доброту,
Хоть сами рисковали,
Опальных принимая,
В беде не оставляли
Вдову и сироту.

Самим бывало туго,
Но дочери с супругой
Оставили в округе
Малину собирать,
А всех других просили,
Чтоб берегли их силы
И дальше в лес ходили,
Чтоб ягоду поискать.

4.

Но кто измерить может
Тоску, что сердце гложет?
Поймет лишь тот, кто тоже
Терял своих родных,
Как матушка страдала,
По мужу горевала,
Но, бедная, не знала,
Что нет его в живых.

И всё-то ей не верилось,
Она ждала, надеялась:
Вот за окошком деревце
Оденется листвою,
И днём погожим, солнечным
Или дождливой полночью,
В дверь постучав тихонечко,
Вернётся он живой.

И всё былое вспомнится,
Наплачется, помолится
И с внучкой за околицу
Идёт его встречать.
Когда ж вернётся, скоро ли?
И гонит думы чёрные,
И всё глядит в ту сторону,
Откуда надо ждать.

– Годков-то сколько минуло,
Давно уж где-то сгинул он.
Ну что ж ты ходишь, милая,
И летом, и зимой?
– Хоть и во многом сведущи,
Неправы вы, соседушки.
Покличь-ка, Зина, дедушку,
Пускай идёт домой.

И вновь леса с полянами
Покрылись белым саваном.
Без мужа не могла она
Ни жить и ни дышать.
Что свечечка истаяла
И с птиц последних стаями
Ко Господу представилась
Страдавшая душа.

Соседки сердобольные,
Старушки богомольные
Её в поля привольные
На кладбище снесли,
Могилку сами вырыли,
Всплакнули по-старинному,
На крышку гроба кинули
По горсточке земли.
Потом, затеплив свечечку,
Пропели «память вечную»
И, помянув сердешную,
Обратно побрели.

5.

Осталась дочь ее одна
И в те лихие времена,
Когда советская страна
От Бога отреклась,

Когда не то что в храм ходить,
Опасно было крест носить
Или о Боге говорить,
Мария не сдалась.

В монастыре воспитана,
В Писании начитана,
Трудами и молитвою
Свой долгий век жила,
Вязала шали ночью,
Красивые и прочные,
Врага народа дочери
Тяжёлый крест несла.

Хранила веры огонёк,
И день тот был уж недалёк,
Когда придет России срок
От тяжких снов восстать.
И каждый год на Святки
К её убогой хатке
Шли сельские ребятки
И славили Христа.

И в честь святого праздника
Одарит деток пряником.
Звал просто «тётей Манею»
Любя её народ.
Весной идёт на кладбище,
Помолится за каждого,
Цветочками бумажными
Могилки уберёт.

6.

Завьюженный, заснеженный,
Погодой не изнеженный,
За далью непроезжую
Родимый край лежит.
Тайгою необъятною
За елями косматыми
От глаз чужих упрятанный,
Но Богом не забыт.

Всё так же здесь бежит река,
Плывут по небу облака,
Дрожат листы от ветерка,

Зимой снега метут.
Заснеженный, завьюженный,
От спячки не разбуженный,
Живёт своими нуждами
Обычный сельский люд.
За старыми заборами,
Задёрнутыми шторами,
Неспешная, нескорая,
Всё так же жизнь идёт.
А в небесах просторных,
Невидимая взорам,

Живёт Любовь, которая
Вовек не престаёт.

Тебя смиренно просим мы,
Прости обиды прошлые,
Молись за нас ко Господу,
Отец наш Алексий,
И у Него прощения
За наши прегрешения,
И веры, и спасения
Нам, грешным, испроси!

ЖИЗНЕННЫЙ ПАРАДОКС

*Толкачев Д. В.,
учитель истории и обществознания
БОУ г. Омска «СОШ с УИОП № 73»*

Несмотря на значительное количество научных работ и публикаций, касающихся репрессий 20–50-х годов XX века, эта тема остается очень актуальной. На сегодняшний день до сих пор не подняты тысячи судебных дел и приговоров по ним. Ярлык «враг народа» был прикреплен к советским людям, которые невинно пострадали во время насильственной коллективизации, были подвергнуты заключению, выселению с семьями в отдаленные районы страны без средств к существованию, без права голоса, без объявления срока лишения свободы. Массовые репрессии осуществлялись большей частью путем внесудебных расправ через так называемые особые совещания, коллегии, «тройки» и «двойки». Однако и в судах попирались элементарные нормы судопроизводства, что и отразилось в трагической истории моего репрессированного прадедушки.

Мазко Иван Кузьмич (1892–1937 гг.), уроженец села Кудровка Сосненского уезда Черниговской губернии, Украина. Украинец, образование начальное, плотник, кузнец колхоза «Свобода». Решение об изменении места жительства (переезд из Черниговской губернии в Северный Казахстан) семья Мазко приняла на основании активной государственной переселенческой политики, проводимой в начале XX века в Российской империи. Аграрная реформа П.А. Столыпина предусматривала наделение переселенцев на новом месте жительства земельными участками. Семья Мазко положенные земли получила. По истечении нескольких лет, семья Мазко смогла не просто адаптироваться на «новом» месте жительства, но создать крепкое и даже зажиточное хозяйство. Помимо обрабатываемой земли они имели свою мельницу, кузницу и «узкоколейку». В советской литературе таких людей было принято негативно называть «зжиточными сельскими капиталистами-кулаками», «эксплуа-

таторскими элементами» и т. п. В действительности отличительными чертами этих людей были энергичность, предприимчивость, высокая дисциплинированность и трудолюбие.

О какой эксплуатации чужого труда в сельской местности могла быть речь, если всю работу по домашнему хозяйству выполняли члены семьи. Ложились они затемно, вставали засветло. Спали по 4–5 часов в сутки. И спали на кулаке (своего рода будильник), и как только кулак затекал, просыпались и шли на работу. Главная цель реформы Столыпина: создание крепкого «культурного» хозяина, который послужил бы политической опорой и экономической основой существующей власти, на примере одной взятой семьи была достигнута. Таких примеров в государстве было немало.

Но грянул октябрь 1917 года. Новой советской властью семья Мазко была объявлена «неблагонадежным кулацким элементом» и, как следствие, у нее помимо изъятия домашнего скота, комбедами были конфискованы заработанные огромным трудом мельница и «узкоколейка». Кузницу не конфисковали, но работать в ней запретили. Лишившись основных средств труда, которые позволяли кормить семью, Иван Кузьмич вынужден был вступить в колхоз. Работу дали по прежнему профилю кузнеца. Но Советская власть с ее уравнилельными социалистическими принципами Иваном Кузьмичом принята не была. Переход государства в начале 1920-х годов к новой экономической политике вселил в душу Ивана Кузьмича надежду на возвращение к старым формам хозяйствования. Ему было позволено в свободное от работы в колхозе время трудиться в кузнице [1].

В 1930 году Иван Кузьмич принял решение тайно вместе с семьей покинуть хутор Узунь-куль и уехать на Дальний Восток. С 1930 по 1933 годы семья Мазко прожила в одной из деревень Амурской области. В конце 1933 года было принято решение ехать обратно в Узунь-куль. Благополучно добраться удалось только до Иркутска. Проходя проверку документов (которых у семьи Мазко не было, так как они остались в колхозе в Узунь-куле), в Иркутске Иван Кузьмич как глава семейства был арестован, а затем осужден к трем годам лишения свободы и направлен в исправительный лагерь, находившийся в Свердловской области, где работал плотником.

Отбывая срок, Иван Кузьмич показал себя честным и трудолюбивым человеком. Думается, именно поэтому, разговаривая наедине с начальником лагеря, ему без объяснений было сказано: «если опять не хочешь оказаться в тюрьме, возвращаться в Узунь-куль не стоит». Иван Кузьмич долго и мучительно думал над этими словами. Но все же принял решение: возвращаться домой. Во-первых, ехать ему было больше некуда, во-вторых, был уверен, что за свою вольность (без разрешения «властей» покинул колхоз) он уже расплатился тремя годами лагеря. Но набравшая уже мощь советская власть не прощала таких вольностей и «некрестьянского» происхождения и наказала за это очень строго.

Проработав после возвращения в Узунь-куль на прежнем месте в колхозе около полугода, он был арестован. Арестовали Ивана Кузьмича в августе 1937 года вечером на домашнем пастбище. Семья более трех суток не знала, куда исчез и где находится их муж и отец. Лишь на четвертые сутки соседский мальчишка рассказал, что видел, как люди в черной военной форме сажали дядю Ваню в большую машину. Еще через сутки в доме Мазко был проведен обыск, в ходе которого были найдены и конфискованы фотографии времен обучения кадета Ивана Мазко в Омском кадетском корпусе и книга на японском языке, которую, по своей любознательности, захватил с собой сын Степан с Дальнего Востока. Это позволило объявить Ивана Кузьмича «японским шпионом», плюс «кулацкое» прошлое, которое в ту пору было уголовно наказуемо, – все это явилось «идеальным доказательством» для ареста прадеда, а семья была подвергнута насильственному переселению в село Успенка Булаевского района, долгое время нося ярлык «семья врага народа» [2].

Фото 19. Мазко Иван Кузьмич

Жизненный парадокс заключается в том, что сын прадеда – Мазко Степан Иванович (1921 г.р., призван в 1942 году Булаевским РВК, сержант, пулеметчик в/ч № 28625) в январе 1944 года, находясь на фронте, погиб, отдав свою жизнь за власть, которая уничтожила его отца. А сколько таких жизненных парадоксов было в советских семьях?..

Как выяснится в период «перестройки», Иван Кузьмич был приговорен тройкой Управления народного комиссариата внутренних дел Северо-Казахстанской области 13 августа 1937 года, обвинение было предъявлено по статье 58-10 «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений» УК РСФСР. Приговор: высшая мера наказания, расстрел. Реабилитирован 20 марта 1989 года областной прокуратурой Северо-Казахстанской области Указом Пленума Верховного Суда СССР от 16 января 1989 года [3].

Есть история, жестокая и суровая; должна быть и память светлая и вечная о близких, о трагическом времени нашей истории, о жестокости и несправедливости, о терпении и трудолюбии простых, ни в чем не повинных людей.

Тяжелым наследием XX века явились массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии, народа. История многих советских семей неразрывно связана с этой ужасной трагедией. Сотни тысяч людей были подвергнуты моральным и физическим истязаниям, многие из них истреблены. Жизнь их семей и близких была превращена в беспросветную полосу унижений и страданий.

В последнее время очень часто всплывают страшные тайны того времени, увеличивая тем самым важность этой проблемы. И нам, наверное, никогда не понять, для чего же все-таки это делалось? В каких целях? И понять это нельзя. Следует помнить, смотреть в будущее и быть уверенными в том, что такого ужаса наши потомки никогда не испытают. Ведь память о прошлом – путь к будущему.

Литература:

1. *Возвращенные имена: Сведения и воспоминания о жертвах политических репрессий.* – Петропавловск : Северный Казахстан, 2008. – С. 324.

2. *Северный Казахстан: Областная общественно-политическая газета.* – 2008. – № 64 (23352). – 30 мая. – С. 3.

3. *Сведения Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Северо-Казахстанской области.*

РАЗДЕЛ 4. ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ (сценарий)

*Тихонов А. А., зав. научно-краеведческим
центра им. А.А. Жирова,
Тарская центральная районная библиотека*

Перед микрофоном стоит человек в тёмной одежде. Играет грустная, тягучая музыка. На её фоне человек в тёмном читает хрипловатым голосом.

Чтец: «Дорогая Люба! Меня очень беспокоит, как ты живёшь, как твоё здоровье, как здоровье сынишки. Получил вчера третью передачу. Большое спасибо за твои заботы, но ты меня не хочешь слушать и шлёшь очень дорогие вещи, как масло. Я уже писал тебе и сейчас прошу для меня ни масла, ни яиц не покупать. Я здоров по-прежнему. Что ты сказала обо мне сынке? Ждёт он папку? Получил ли он красный галстук и готовится ли ко встрече Первомай? Передай, что его папка хочет, чтобы сынка во всём слушался мамы и не сердил её. Представляю, что теперь он готовит уроки за моим столом. Крепко целую свою дорогую жинку. Поцелуй за меня милого, милого сыночка и скажи, чтоб не скучал без папки...».

Ведущий 1. Из письма репрессированного Смирнова Алексея Павловича жене.

Исполнитель отходит назад, не оборачиваясь. Музыка сменяется реквиемом, который резко обрывается выстрелом. На фоне затихающего эха выстрела звучит голос ведущего.

Ведущий 2. Сегодня мы отмечаем трагическую дату – День памяти жертв политических репрессий. День скорби вошел в календари в связи

с принятием закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

Традиционно в этот осенний день по всей России проводятся многочисленные митинги и акции, призванные напомнить об этой национальной трагедии, почтить память многочисленных жертв репрессий, привлечь внимание общества к проблеме нетерпимости и проявлениям насилия к людям с другими политическими взглядами и убеждениями.

Предлагаем почтить память погибших минутой молчания.

Минута молчания (метроном)

Ведущий 1. Слово предоставляется Главе Тарского муниципального района Омской области Сергею Васильевичу Зуйкову (Выступление).

Ведущий 2. В конце января 1930 года под грифом «совершенно секретно» вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Этот документ не оставлял никакой надежды крестьянам, желающим самостоятельно вести своё хозяйство: «Отменить в районах сплошной коллективизации в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств действие законов об аренде земли... Конфисковать у кулаков... средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы...»

Ведущий 1. Крестьяне были «распределены» по категориям. Первую категорию необходимо было заключить в концлагерь, не останавливаясь и перед расстрелом, вторую – немедленно выселить в отдалённые необжитые местности, третью – расселить в своём же районе, но на новых, находящихся за пределами колхозных, участках. 5 августа 1937 г. нарком внутренних дел Н. Ежов подписал приказ об операции по репрессированию бывших кулаков и других антисоветских элементов.

Ведущий 2. О масштабах раскулачивания красноречиво свидетельствуют цифры: «только за 1931 год в России с мест проживания было выселено более миллиона человек, из них – в Западно-Сибирский край – 316 тыс. Только в Омской области в течение 1937 г. было расстреляно 11 тыс. человек, более 6 тыс. отправлено в лагерь. На севере Омской области трагедия многих тысяч людей – Кулай.

Ведущий 1.

Снега скрип, ветра вой, ветра лай.
И деревья, нависшие грозно...
В этих дебрях затерян Кулай,
От которого веет морозно.

Здесь меж сосен седых, в полусне,
С ветром истина бродит простая:
Снег, конечно, сойдёт по весне,
Но уже никогда не растает...

Ведущий 2. Кулай... Наверное, название этой маленькой речки на севере Омской области так и осталось бы известным только географам да краеведам, если бы не страшная трагедия начала тридцатых годов прошлого века.

Ведущий 1. Репрессированная Мария Волосская вспоминает: «В начале весны нас выслали „за болото“: приехали сани, нас посадили и повезли неизвестно куда. Кроме нашей, выслали из деревни ещё четыре семьи. Вначале нас довели до Омска, а потом – по льду Иртыша – от одной деревни до другой. Вечером завозили в какую-нибудь деревню, и там мы ночевали. Утром перегружали на другие сани и везли дальше. Обозу не было конца и края – так много людей везли в ссылку. Ночевали в домах, иногда в больших помещениях – школах, клубах. Осталось в памяти, как хозяин одного дома, где мы ночевали, сказал маме: „Куда ты везёшь своих детей на верную смерть! Оставь их у нас, а сама убегай. Потом придешь, заберёшь“. Но мама сказала: „Нет, если умирать, так вместе“.

Ведущий 2/ «Везли нас очень долго, и привезли в сплошную тайгу. Жгли костры, таяли снег. Стали строить бараки на несколько семей: нары, посреди барака железная печка, которая топилась круглые сутки. Брат грелся возле печки, а потом упал и умер. Умирали очень многие, не успевали хоронить. Нередко опускали в одну могилу несколько гробов.

Сестра тоже умерла, её похоронили в одном гробу с другой девочкой: одна головка – в одну сторону, вторая – в другую. Остались мы с мамой вдвоём. Стали людей отправлять ближе к городу Таре, а вещи оставлять на складе. Отправили и нас. Мама работала на лесозаготовках, корчевала лес. Простыла, долго лежала в больнице. Осталась я одна. Спасибо добрым людям, не дали умереть с голоду...».

Ведущий 1. Сегодня в местах, где сгинули тысячи и тысячи крестьян, стоит шестиметровый поклонный крест. Добраться до него можно только по зимнику или на вертолёте. Причём вертолёт не может опуститься на землю: почва болотистая.

Между елями и березами
Вел конвой по сугробам, лют...
И тащился в тайгу обозами
Православный безвинный люд.
С малышами легко одетыми
Шли... гремел револьверный лай.

...И лежат они неотпетыми
На таежной реке Кулай.
В шуме ветра услышь стенание,
Боль почувствуй, взглянув окрест.
Запоздалое покаяние –
Православный поклонный крест.

Ведущий 2. По данным историков, от репрессий в нашей стране пострадало около 3 млн 800 тыс. человек, некоторые специалисты называют цифру – 9 млн человек, около 800 тыс. было расстреляно. От тех времен сохранилось не так много документальных свидетельств, некоторые из них до сих пор засекречены. Ещё меньше от тех времён сохранилось фотоматериалов. Поэтому особенно важны воспоминания, субъективные впечатления людей, переживших это время. Многие из них уже ушли из жизни, но память о тех событиях они передали потомкам, воспоминания и документальные свидетельства сохраняются и доходят до нас благодаря историкам. В школах и вузах о страшной трагедии рассказывают своим ученикам Тарские педагоги.

Ведущий 1. Мы приглашаем к микрофону историка, преподавателя Тарского филиала Омского государственного педагогического университета Попова Евгения Викторовича (*Выступление*).

Ведущий 1. По всей России издаются книги, на страницах которых сохранена память о страшных событиях первой половины 20 века. Важной вехой стал выход четырех томов издания «Крестьянская голгофа», составителем которого стала омская поэтесса, журналист, заслуженный работник культуры Татьяна Георгиевна Четверикова. В каждом томе информация о тысячах семей крестьян Омского Прииртышья, раскулаченных и высланных в начале 30-х годов прошлого века. В большинстве своем высылались они целыми семьями, с малолетними детьми и стариками. Поэтому в каждом описании семьи до десяти и больше имен. В книге: материалы и документы того периода, воспоминания, фотографии, очерки. Среди авторов – ученые, писатели, журналисты, потомки тех, кто подвергся репрессиям.

Ведущий 2. «Крестьянская Голгофа» – второй цикл Книги памяти жертв политических репрессий. Он будет состоять из пяти томов, в которые войдут сведения о 25 тысячах крестьянских семей Прииртышья. Выпуск пятого тома планируется в 2015 году. Внесли свой вклад в важное дело сохранения истины и тарские краеведы. В 2010 году вышла книга «Как это было: из истории политических репрессий в Тарском районе», собравшая под своей обложкой 38 статей журналистов и воспоминаний жертв политических репрессий. Ежегодно отделом по молодежной политике, физической культуре и спорту администрации Тарского муниципального района проводится конкурс научных и творческих работ «Надо, чтобы помнили».

Ведущий 1. Приглашаем к микрофону специалиста отдела по молодежной политике, физической культуре и спорту Администрации Тарского муниципального района (*Выступление специалиста*).

Ведущий 2. Самое священное, что передается от одного поколения к другому, без чего не может существовать ни один народ – это память о прошлом. Сегодня продолжается деятельность по реабилитации жертв политических репрессий. В различных учреждениях и ведомствах ведется работа по сохранению исторической памяти.

Ведущий 1. В 2013 году здесь, на старом городском кладбище, был открыт памятник-obelisk жертвам политических репрессий – спецпереселенцам из Черкесской автономной области. Инициатором установки камня с мемориальной табличкой в память о своих земляках стал 82-летний бывший репрессированный Галим Аргунов, получив поддержку в своих начинаниях от администрации Тарского муниципального района, администрации Тарского городского поселения, Совета депутатов, спонсоров и общественности. Было принято решение составить на памятнике надпись такого содержания: «Вечная память жертвам политических репрессий из Черкесской автономной области – черкесам и абазинам, похороненным в Тарском районе в 1933–1950 годах. От имени соотечественников и жителей Тарского района, Галим Аргунов».

Ведущий 2: Уважаемые тарчане! Сегодня у каждого из вас есть возможность высказать свое мнение о скорбной дате, собравшей нас у этого памятного знака, поделиться своими чувствами или воспоминаниями об этих трагических событиях. Вы можете выйти к микрофону (Выступление желающих).

Начинает играть печальная мелодия. Под неё ведущий читает письмо репрессированного.

Ведущий 1. Из письма репрессированного Смирнова Алексея Павловича жене.

Чтец. «Дорогая Люба!.. Я уже привык к мытарствам, и то, что я сейчас имею, мне кажется довольно приличным. Тебе многое покажется, наверное, диким, что именно – я даже не могу сейчас сказать, мне уже примелькалась обстановка, и я не сравниваю ее... [пауза] с Ленинградом».

Ведущий 2. В память о жертвах политических репрессий предлагаем возложить цветы к подножию мемориального камня. (*Возложение венков.*)

Чтец.

...А зима в этот год оказалась бурная, злая.
И земля – будто камень, и воздух холодный, как лёд.
Двое рыли могилу у речки таёжной Кулая
И ругались: «кайло этот смёрзшийся грунт не берёт!»

И земля не брала небольшое, иссохшее тельце,
Что лежало поодаль, а сверху накинута мешок.
Двое рыли могилу (а в прошлом они – земледельцы),
И лопата вгрызалась в холодную твердь на вершок.

Сколько минуло лет с той холодной январской минуты?
Сколько слынуло зим, сколько вёсен встречала тайга?
Но, Россия, неужто и вправду былую вину ты
Позабыла и прошлое спрятала здесь на века?

Или всё же ты помнишь худого подростка с лопатой
И второго, постарше, с кайлом и слезливым лицом.
Тот второй: невысокий, немного сутулый, хрипатый.
Мальчуган его звал может «папкой», а может «отцом».

У таёжной реки буйноцветие трав – можно в рамку
Этот дикий пейзаж, и на стену, чтоб радовал глаз.
Где те двое страдальцев, в слезах положившие мамку
Под промёрзшей земли неумело скovyрнутый пласт?

Что бы ни было сказано – всё будет блёкло и косно.
Наших слов тем, кто сгинул, услышать уже не дано.
Лишь в апреле земля отошла от мороза, но – поздно.
Заровняло могилу, истлели и плоть сукно.

Там, на речке Кулае, меж сосен затерянный крестик.
Это ветви сплелись, образуя надгробье собой.
Пойте, ветры, о том, что небесное царствие есть,
И о невинно погибших, таёжная птица, пропой...

Ведущий 2. Спасибо всем, кто пришел сегодня почтить память наших земляков, безвинно убиенных в страшные годы репрессий.

Ведущий 1. Давайте и мы будем помнить об этом. Главное – не допустить повторения этих событий в нашей истории. Здоровья всем, мира и спокойствия. Митинг окончен.

«КНИГА, СПОСОБНАЯ РАССКАЗАТЬ...»

(Сценарий ко Дню памяти жертв политических репрессий)

*Ермалюк А.Е., магистрант
ФГБОУ ВО ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

*Сценарий рассчитан на 1 ведущего,
использование презентации и фильма
«Сибирская Голгофа – Кулай» 2007 г.*

(Слайд 2) С модернизацией российского государства и общества в нашем календаре появляются новые даты. По указу президента Российской Федерации 30 октября отмечается День памяти жертв политических репрессий.

До сих пор осталось много белых пятен по истории репрессий в СССР. Сегодня нас поражают даже официально опубликованные итоги за годы «Большого террора» (1937–38 гг.): 1 344 923 арестованных, 681 692 расстрелянных. Некоторые исследователи называют другие числа: 12–14 млн арестованных, не менее 1 млн расстрелянных. *(Слайд 3)*

Более восьмидесяти лет отделяют нас от страшных и кровавых событий тридцатых годов. О них мы можем узнать из рассказов очевидцев, интернета и конечно же из книг. Литературы по периоду советских политических репрессий много, как художественной, так и научной.

(Слайд 4) Моё внимание привлек цикл книг памяти репрессированного крестьянства Омской области «Крестьянская Голгофа». *(Слайд 5)* Это цикл книг памяти жертв политических репрессий. Он состоит из пяти томов, в которые вошли сведения о 25 тысячах крестьянских семей Прииртышья. Первый том вышел в августе 2013 года. В него помещены сведения о раскулаченных и реабилитированных. Второй том вышел в ноябре 2013 года. Третий и четвертый том вышли в 2014 году. Пятый, последний том цикла, опубликован в 2015 году.

(Слайд 6) Книги содержат документы тех лет, фотографии, воспоминания, рассказы о судьбах людей. *(Слайд 7)* Среди авторов: ученые, писатели, журналисты, потомки тех, кто был изгнан из собственных домов и брошен в пустынные заболоченные просторы Кулая и Васюганья за лишнюю корову, борону или добротный дом. Читая рассказы этих несчастных людей, ужасаешься жестокостью власти и восхищаешься стойкостью русского крестьянства.

(Слайд 8) По данным историков всего в регионе было раскулачено около 28 тысяч семей. Домой вернулись немногие. Более 70 процентов пострадавших были дети.

(Слайд 9) А началось все в 1928 году, когда в молодой стране Советов настали голодные времена. Чтобы решить проблему, руководство республики ввело так называемые чрезвычайные меры, которые вскоре вылились в непомерные поборы с крестьян. С агитацией и разъяснением новой политики в хлеборобные регионы отправились члены Политбюро ЦК ВКП(б).

(Слайд 10) В 1928 году Омскую область с коротким визитом посетил Иосиф Сталин. Он призывал местных руководителей не церемониться с «саботажниками», отказывающимися добровольно за бесценнок сдавать зерно, а также объявить войну кулакам. Вскоре для зажиточных крестьянских дворов ввели индивидуальный налог, многократно превосходящий прежнюю систему сборов.

(Слайд 11) Расчет был прост – создать невыносимые условия для «крепкого мужика», выбить его из колеи, пополнить за его счет худосочное имущество колхозов.

(Слайд 12) В 1929 году советская власть приняла решение ликвидировать кулака как класс и приступила к сплошной коллективизации. Были отменены законы об аренде земли и трудовом найме. В деревне начался «великий перелом».

(Слайд 13) Уже в начале весны на север Омской области в сторону Васюганских болот потянулись первые ссыльные обозы. В повозках – старики, дети, беременные и кормящие женщины. На улице – обычный для марта мороз. Очень скоро по сторонам скорбного тракта стали появляться могилы. Первыми погибали оставшиеся без молока младенцы.

(Слайд 14) «Нас привезли в Кулай почти на голое место, – вспоминают участники событий. – Выгрузили, сказали: живите. Когда рассвело, мы увидели страшную картину. Замерзшую мать и стайку сбившихся возле нее восьмерых окоченевших детей».

(Слайд 15) Подобная участь постигла многие семьи, которые высылали без мужчин. В то время нередко, чтобы не создавалось лишних препятствий, взрослых мужчин удерживали в комендатуре. И пока шел «разбор полетов», родственников отправляли на выселки. Когда туда с очередным этапом прибывал глава семейства, нередко встречать его уже было некому...

(Слайд 16) Рассказ Клавдии Ивановны Ткаченко пропитан болью и обидой за те страшные испытания, что пришлось пройти маленькой девочки, её брату и сестре. Вместе с отцом они были высланы из родного добротного дома, с большим хозяйством.

(Слайд 17) Н.П. Павлова рассказывает: «В начале марта 1930 года к нам в дом постучали. Вошли люди в военной форме, представились: „Из ОГПУ“. Ни о чем не спрашивая, заявили: „Вы подлежите высылке“. „За что?“ – спрашивают в голос отец и мать. „За то, – отвечают, – что держите две коровы и две лошади. Собирайтесь». Пятого марта всю нашу семью из пяти человек отправили на лошадах за Кулай. Две недели мы прожили на голом снегу, пока не сделали себе маломальское жильё. На наших глазах народ все прибывал и прибывал, многие не выдерживали – умирали».

(Слайд 18) Семья Алексея Ивахно 13 апреля 1931 в составе родителей и четверых детей высланы в Васюганье. Этих страшных и щемящих сердце историй участников или их родственников в сборниках много. Но все они похожи тем, что повествуют об искалеченных судьбах, голоде, несправедливости, об издевательствах власти над народом.

(Слайд 19) Во втором томе опубликована статья Валерия Фатеева «Путешествие в прошлое», где рассказано об экспедиции, организованной Омским отделением Русского географического общества (РГО) в 1995 году по местам поселений спецпереселенцев Омской и Новосибирской областей. Маршрут следования экспедиции: г. Омск – г. Томск – пос. Каргасок – р. Чижанка и её окрестности. Группа поставила перед собой цель разыскать места высадки репрессированных крестьян, собрать сведения о них, познакомиться с условиями их жизни. На местах поселений ссыльных крестьян были поставлены памятные знаки как дань трагическим событиям минувшего века.

(Слайд 20) Одним из таких мест является Кулай – спецпоселение репрессированных в Тарском районе Омской области, трудовой посёлок, существовавший 18 лет. Кулай – значит «острый нож». Именно сюда в годы сталинского террора с 1928 по 1946 г. ссылали на спецпоселение тысячи раскулаченных крестьян как из Омской области, так и со всей страны.

Сейчас вашему вниманию будет представлен фрагмент из документального фильма «Сибирская Голгофа – Кулай» 2007 года. В фильме –

рассказы непосредственных участников тех дней и родственников погибших во время сталинских репрессий. (Слайд 21) В памяти народной должна храниться трагическая страница истории расправы над собственным народом, за которой – тысячи искалеченных людских жизней и судеб. Такие слова как «сталенщина», «ежовщина», репрессии, террор не должны существовать в политической жизни стран. Мы должны чтить память тех, кто незаслуженно пострадал или погиб в те страшные для нашей страны годы.

(Слайд 22) «Крестьянская Голгофа» – дань памяти безвинно погибшим землякам, напоминание о зловещем периоде в развитии нашего государства, который не должен повториться. (Слайд 23) Спасибо за внимание!

Литература:

1. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Т. 1. – Омск : Ом. кн. изд-во, 2000. – 528 с.
2. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Т. 2. – Омск : Омскбланкиздат, 2013. – 330 с..
3. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Т. 3. – Омск : Омскбланкиздат, 2014. – 340 с.
4. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Т. 4. – Омск : Омскбланкиздат, 2014. – 336 с.
5. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Т. 5. – Омск : Омскбланкиздат, 2015. – 316 с.
6. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 1. – Омск : Ом. кн. издательство, 2000. – 480 с.
7. Как это было: из истории политических репрессий в Тарском районе : [сб. ст.] / [сост. В. Шахов]. – Тара : Изд-во А.А. Аскаленко, 2010. – 256 с.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА (сценарий урока)

*Ярошевская С.Э,
учитель истории МБОУ СОШ № 104 г. Омска*

Цель: Формирование у учащихся чувство патриотизма и гражданской ответственности через критическое осмысление определенных фактов истории.

Задачи:

- 1) Развить познавательный интерес к химии через изучение фактов из истории развития науки и биографий ученых, совершивших подвиг ради науки.
- 2) Интегрировать знания по химии с историей, а именно политическими репрессиями.
- 3) Развивать познавательный интерес к судьбам репрессированных ученых-химиков.

4) Научить обобщать, систематизировать и анализировать, давать личностную характеристику.

Тип урока: устный журнал, презентация.

Оборудование: Интерактивная доска, проектор, презентация, фотографии ученых-химиков, 12 писем академиков в защиту репрессированных ученых (интернет-копия), музыкальное оформление.

Ход урока:

*Пусть история всех нас рассудит
И оценку пусть каждому даст.
Пусть о павших никто не забудет,
И хоть кто-то расскажет о нас.*

Учитель: Много суровых испытаний, жертв и лишений выпало в XX веке на долю нашей страны. Две мировые и гражданская война, голод и разруха, политическая нестабильность унесли десятки миллионов жизней, заставляя вновь и вновь восстанавливать разрушенную страну. Но и на этом фоне страшными страницами нашей истории стали политические репрессии. Более того, унижены и уничтожены лучшие из лучших, у которых и в мыслях не было бороться против своего народа. Тысячи инженеров, ученых, сотни тысяч замученных, расстрелянных, загубленных партийцев, миллионы крестьян, оказавшихся жертвами раскулачивания, маршалы и генералы, ученые и поэты, писатели и артисты, которые на самом деле были преданы Родине.

Вед. 1. Всем, кто клеймён был статьею полсотни восьмою,
кто и во сне окружён был собаками, лютым конвоем,
кто по суду, без суда, совещаньем особым
был обречён на тюремную робу до гроба,
кто был с судьбой обручён кандалами, колючкой, цепями,
им наши слёзы и скорбь, наша вечная память!

Учитель. Сегодня мы поговорим с вами о жертвах политических репрессий, доказав, что ничто не забыто: ни высокий подвиг, ни подлое предательство, ни черное злодейство. Вернуть всем невинно пострадавшим их доброе имя – святой долг каждого государства.

Историю не исправить, единственное, что остается – это восстановить справедливость и законность, чтобы ни одно событие, ни одна дата, ни одна судьба не были забыты. Наше мероприятие сегодня проводится в память о жертвах политических репрессий.

Вед. 2. В самом деле, что такое репрессия? Это – когда власть карает людей, за какие-то их действия против неё – так? Между тем, подавляю-

щее большинство тех, кого мы сегодня вспоминаем, ни о каких действиях против власти и не помышляли.

Вед. 3. Ни тысячи инженеров, ученых, ни сотни тысяч замученных, расстрелянных, загубленных в 1937–1938 гг. партийцев, наивно веривших, что они – ум, честь и совесть эпохи, строят светлое будущее для всех трудящихся; ни миллионы крестьян, поверивших «новой экономической политике», объявленной в 1921 году и оказавшиеся через 7 лет жертвами «политики» ликвидации кулачества как класса. Не боролись против власти ни расстрелянные маршалы и генералы – почти весь советский генералитет, ни поэты: Гумилёв, Табидзе, Смеляков, Заболоцкий; ни артисты – Русланова, Дворжецкий, Михоэлс, ни автор траектории будущего американского полёта на Луну Кондратюк или будущий руководитель советской космической программы Королёв, или самолётостроитель Туполев, ни генетики Вавилов, Пантин, Тимофеев–Ресовский, ни физик Румер, астроном Козырев, историк Гумилёв, ни поголовно уничтоженный еврейский антифашистский комитет, не говоря уже о миллионах пленных солдат...

Вед. 4. Сегодня мне хочется особо поговорить о людях, которые входили в авангард специалистов, с помощью которых были решены важнейшие научные задачи по освоению и развитию Заполярья. Ни суровые климатические условия Крайнего Севера, ни жестокий лагерный режим не смогли остановить творческую мысль ученых и инженеров и стремление узников остаться людьми. Но... какой ценой!

Вед. 1. Воркутлаг – это невообразимая боль всего бывшего СССР, это рана, продолжающая кровоточить и сегодня, взывая к терпению и милосердию, к вере, полной правды и любви, к вере в несломленность души человеческой, к единству духа в союзе мира и согласия. Воркута стала «угольной житницей» (по терминологии того времени) Северо-Запада СССР. Но уголь – в тундре, где под поверхностью свыше 100 метров вечной мерзлоты. Температура доходит до –45 °С. Долгая полярная ночь, короткий полярный день. За зиму свыше 100 дней пурги. Продовольствие привозное.

Вед. 2. Кто же добывал в вечномерзлой Воркуте столь необходимый стране уголь, чья инженерная мысль сотворила в недоступной малонаселенной тундре заполярную «угольную житницу»? Стремительный рост Воркуты как промышленного центра значительно расширял и поле деятельности для химической службы. Кто же работал в центральной углехимической лаборатории (ЦУХЛ) и других химических лабораториях в 1940-е гг.? Если в 1930-е гг. действовала «чистая» гулаговская модель подневольного труда – работали одни заключенные, то с 1939 г. коллектив стал «гибридным», и число вольнонаемных с каждым годом увеличивалось. Вот тогда и стали появляться вольнонаемные специалисты, но среди них была большая процент «бывших».

Вед. 3. Одним из таких «бывших» был профессор Г.Л. Стадников. Сколько будем жить, столько будем открывать имена людей, живших на

нашей северной земле, не сломившихся под гнетом испытаний, своей деятельностью утверждавших торжество разума и мысли над невежеством, пошлостью, жесткостью.

Отшумели молодые годы.
Верь или не верь, но это так:
Осудили как «врага народа»,
И в тюрьму, и дальше – на этап.

Вед. 4. Георгия Леонтьевича Стадникова по праву можно назвать старожилом Воркуты. Из прожитых почти ста (!) лет 17 он провел за колючей проволокой, в исправительно-трудовых лагерях. Доктор геолого-минералогических наук, он трудился в ранге рядового лаборанта химлаборатории. Впрочем, на таких должностях и ставках в этой и в других лагерных лабораториях работали в 30–40-е годы многие другие научные светила.

Еще в 1909 году 29-летний лаборант Стадников получил премию имени Бутлерова за работы по аминокислотам. С 1913 года он – профессор в Одессе. Здесь же в 1920 году ученый первый раз подвергается аресту. Из Одессы его препровождают в Москву в распоряжение ВЧК. До 1937 года, пика массовых репрессий, было еще далеко, в Уголовно-процессуальном кодексе тогда фигурировали еще и такие формулировки, как «условный приговор к расстрелу». Именно такую статью выдвинули против Стадникова. После тюрьмы его тем не менее освободили и направили работать в один из столичных научных институтов. В 1929 году он занимался научной работой в Институте торфа, а позднее в Институте им. Карпова организовал лабораторию химии угля. В 1935 году Георгий Леонтьевич перешел работать в Институт горючих ископаемых АН СССР.

Тридцатые годы стали очень продуктивными в научной деятельности Георгия Леонтьевича. В это время одна за другой вышли его книги и учебники для студентов вузов: «Химия угля», «Химия горючих сланцев», «Химия коксовых углей», «Ископаемые угли, горючие сланцы, асфальтовые породы, асфальты и нефти», «Анализ исследования углей».

Вед. 1. 1938 год перечеркнул все дальнейшие планы и научные поиски. Стадникова арестовали, обвинили в участии в национально-фашистской организации, поместили в Бутырку. Вскоре ему зачитали приговор: 20 лет лагерей, еще пять лет поражения в правах плюс конфискация имущества. Что же касается сути выдвинутых против него обвинений, то они привычные, можно сказать будничные для пика репрессий: борьба против советской власти, терроризм и вредительство.

Осужденный на 25 лет лагерей коллега Стадникова Л. Беляков позднее вспоминал: «Один человек выделялся в толпе бушлатников, стоящих перед прохладной вахтой из жилой зоны в промзону старейшей воркутинской шахты № 8. Он был очень высок и прям, не молод. Через

несколько дней мы познакомились. Его рабочее помещение состояло из двух продолговатых комнат, заставленных лабораторным оборудованием».

Бывший сотрудник химической лаборатории Е. Дидун дополнил портрет Стадникова другими любопытными чертами. Например, Георгий Леонтьевич в своей комнате в лаборатории после обеда отдыхал. При этом на дверях вывешивал табличку: «Стадников спит». Это означало, что окружающие должны соблюдать тишину. Освобождение Георгию Стадникову пришлось 17 лет спустя после ареста. В июне 1955 года его досрочно освободили, и он выехал из Воркуты в Москву. В столице с 1955 по 1959 год Георгий Леонтьевич работал в Институте нефти АН СССР.

Вед. 2. Долгие годы в химслужбе Воркуты работал Герберт Эмильевич Бонвеч. В 1917 г. он закончил физико-математический факультет Киевского университета по специальности органическая химия. Перед арестом работал в Москве на Дербеневском химзаводе. В 1933 г. осужден на 10 лет ИТЛ. В Воркутлаг прибыл из Мончегорска в 1941 г. и начал работать в ЦУХЛ. В 1943 г. кончался срок его заключения, но шла война, Бонвеча как немца оставили в зоне. Когда Бонвеч узнал, что «воли ему не видать», он тяжело заболел. Его отправили в сангородок на Воркуту-Вом, где он считался безнадежнымходягой. Но ученый чудом выжил и вернулся в ЦУХЛ. Освободился в марте 1946 г., проведя в лагере 13 лет вместо 10, которые получил по суду. После освобождения Герберт Эмильевич был назначен старшим инженером ЦУХЛ, с 1953 г. заведовал химической лабораторией треста «Печоруглегеология». Бонвеч многое сделал для комплексного подхода к исследованию угля.

Вед. 3. Несколько лет провел на Воркуте известный ученый, политический деятель Николай Михайлович Федоровский (1886–1956). В заключении он находился 15 лет, и судьба его сложилась трагично. Председатель Горного совета в ВСНХ, уполномоченный ВСНХ на Украине, член президиума украинского Совнархоза, в 1920–1922 гг. Федоровский выполняет в Берлине очень важную миссию – организует Бюро иностранной науки и техники (БИНТ), которым и руководит. В это время произошла его знаменитая встреча с Альбертом Эйнштейном, в связи с чем появилось известное письмо Эйнштейна к немецким физикам с призывом восстановить связи между работниками науки. Это очень важный для нашей страны призыв, так как ученые страны Советов были «выброшены» из мирового научного сообщества. В 1923 г. Федоровский организует Институт прикладной минералогии (с 1935 г. – ВНИИ минерального сырья), который возглавляет до 1937 г. Ученый создает новую методологию, известную как комплексный подход Федоровского. Суть его в том, что изучать полезные ископаемые нужно не только с точки зрения их физических и химических свойств, но и петрографии, технологии их получения, обогащения, методов добычи и переработки. Ко всему этому он был поэтом, воспевавшим науку и любимые им минералы:

*Как много нового найдешь в любой породе,
Науку только полюби!
Как много жизни в неживой природе:
В ней вся история Земли!*

В 1936 г. Федоровский стал членом-корреспондентом АН СССР по отделению математических и естественных наук, но 29 апреля 1938 г. исключен из членов Академии наук. Причина тривиальная для тех времен – арест. В 1937 г. Николай Михайлович был осужден на 15 лет ИТЛ и этапирован в Воркутлаг. Как «особо опасного преступника» его не допускали к научной работе по специальности. Федоровский мужественно переносил испытания, но, когда в 1954 г. пришла реабилитация, с ним случился инсульт. Родные привезли его в Москву в тяжелом состоянии. В звании члена-корреспондента он был восстановлен в 1955 г., но жизненный путь его подходил к концу. В 1956 г. Николай Михайлович скончался.

Вед. 4. Елизавета Михайловна Бочарова, химик-органик, осуждена в 1938 г. по статье 58, пункт на 8 лет. Родилась 26 декабря 1903 года в г. Ростове-на-Дону в семье рабочего. В 1920 году окончила трудовую школу № 5, а в 1924 – химическое отделение Донского университета. С 1926 года по 1928 работала в лаборатории кожевенного завода г. Таганрога. После этого до ноября 1929 являлась лаборантом-химиком в Институте высоких давлений в г. Ленинграде. В 1935 году по утверждению Всесоюзной аттестационной комиссии ей было присвоено научное звание доцента кафедры органической химии, а в 1936 – научная степень кандидата химических наук. Она свободно читала специальную литературу на английском и немецком языках, довольно неплохо знала французский и итальянский. Елизавете Михайловне была вручена грамота ВЦИК за работы по пуску метанового завода. К 1938 году она имела 14 печатных работ, опубликованных в специальных журналах. В институте являлась квалифицированным специалистом в области каталитического синтеза органических продуктов под высоким давлением и в течение 12 лет работала по следующим темам:

- 1) гидрогенизация ароматических соединений,
- 2) получение искусственного топлива,
- 3) синтеза спиртов и углеводов из окислов углерода и водорода, и другим.

С 1936 по 1937 год была в Италии в г. Ливорно, где находился в служебной командировке ее муж, военный инженер, кораблестроитель. После возвращения из Италии вначале был арестован он, а потом как жена изменника Родины и Елизавета Михайловна. 19 июня 1938 г. она была осуждена на 8 лет лагерей. С 1939 по 1941 г. работала инженером-химиком специального цеха комбината «Североникель» в г. Мончегорске Мурманской обл. Затем 2 года работала медсестрой в эвакуационном лагере. Во время блокады Ленинграда умерли ее 2 детей и родители.

С 1943 по 1946 года Бочарова Елизавета Михайловна занимает должность инженера-химика Ухткомбината при газопромысле п. Крутой. После освобождения в 1946 году была оставлена на работе с прикреплением к производству, и 15 мая 1946 приступила к работе химиком Завода концентратов водного промысла. В служебной характеристике 1947 года читаем: «Работая химиком бромидного отделения завода концентратов, проявила себя технически грамотным работником, обладает высокой специальной грамотностью». С 1950 до 1953 года работала на Нефтеперерабатывающем заводе сменным инженером и химиком товарной лаборатории.

Вед. 1. Глеб Петрович Курбский родился в 1918 году, доктор химических наук, осужден в 1941 г. по статье 58, пункт 10 (КРД). Родился 24 июля 1918 в городе Городец Горьковской области в семье служащего по медицинской части, мать – домохозяйка. Кроме него в семье был еще один сын Руф, родившийся за год до Глеба. Позже сам Глеб Петрович напишет о нем: «...был призван в ряды советской армии и в 1943 году погиб под Харьковом».

В 1936 г. Курбский заканчивает десятилетку в г. Горьком и поступает на химический факультет Горьковского государственного университета, где успешно учится и в 1940-м получает стипендию им. Сталина «за отличную учебу и хорошую общественную и научную работу». 24 июня 1941 Глеб Петрович сдал последний государственный экзамен и должен был получить диплом с отличием по специальности химик-органик с уклоном «химия нефти», он уже был распределен на работу на химический завод на ст. Игумново. Но 25 июня его арестовывают, и через четыре месяца судебная коллегия выносит судьбоносный приговор: 8 лет лагерей с поражением в правах на 3 года. В течение 5 лет Глеб Петрович Курбский отбывал наказание в Бузеполомском лагпункте при Горьковском ОУИТК. Выполнял работу руководителя химического цеха, технического руководителя гидролизно-дрожжевого завода и старшего лаборанта химической лаборатории МЧС. В августе 1946 года по спецнаряду ГУЛАГа МВД был этапирован в Ухтижемлаг работать на НПЗ в качестве инженера-химика исследовательского сектора. За хорошую работу неоднократно выдвигался на Доску почета.

8 февраля 1949 года был освобожден из-под стражи, но продолжал работать в Ухте на нефтеперерабатывающем заводе.

Вед. 2. Анастасия Константиновна Кушева родилась в 1903 году, химик-аналитик, осуждена в 1938 г. на 8 лет по статье 58, пункты 7, 8 (ПШ).

Родилась 24.10.1903 года в г. Одессе, по национальности болгарка. Родители приехали из Болгарии в Россию в 1902 году на заработки. До 1934 года Анастасия Константиновна была болгарской подданной, после общей паспортизации в г. Москве был получен советский паспорт. В 1918 году окончила 6 классов Одесской гимназии. В 1926 поступила в Одесский химический институт, который окончила в 1931 году по специальности инженер-химик. Знала болгарский, французский, немецкий языки.

С 1932 по 1937 г. Кушева являлась научным сотрудником научно-исследовательского института «Водгео» в г. Москве, одновременно инженером-химиком Московского геолого-разведочного института. В 1936 году все ее родственники (мать, отец, 2 брата и сестра) уехали на родину, г. Шумен (Болгария), получив соответствующее разрешение. 29 ноября 1937 года Анастасия Константиновна арестована, осуждена 10.02.1938 года по статье 58 (7, 8 «подозрение в шпионаже») на 8 лет лагерей. С 1938 года работала старшим химиком в агрохимической лаборатории опытной станции Ухты. После закрытия с октября 1945 переведена в ЦНИЛ инженером-химиком. Освобождена 29 ноября 1945 года, сразу же была предупреждена, что может постоянно или временно проживать только в нережимных местностях.

Вед. 3. Алексей Николаевич Желудев, химик ЦНИЛ, осужден в 1938 г. по статье 58, пунктам 8–10 (ПШ, КРД) на 10 лет. Родился в 1905 году в городе Верро, Лифляндской области (ныне Латвия), где отец находился на действительной войсковой службе. В этом же году отец был демобилизован, и вся семья переехала в сл. Б. Колодезь. Отец работал сапожником, погиб в Первой мировой войне, мать была домашней хозяйкой. И Алексей Николаевич с девяти лет начал свою трудовую жизнь: летом батрачил в крестьянских хозяйствах, а зимой учился в начальной школе п. Колодезь. В 1921 году поступил в педагогический техникум г. Волуйки Курской области, который окончил в 1925 и стал учителем. Затем три года работал заведующим детской колонией беспризорных.

В 1928 году поступает учиться в Воронежский государственный университет на химический факультет. В 1931 году от университета отпочковался Педагогический институт, который Алексей Желудев заканчивает в 1932 году. Его оставляют аспирантом на химическом факультете, одновременно он работает ассистентом на кафедре химии. Кроме педагогической и научно-исследовательской работы назначается на административные должности (декан факультета и заместитель директора института по учебной части).

В августе 1937 был арестован и 14 апреля 1938 года выездной сессией Военной Коллегии Верховного суда СССР в городе Воронеже был приговорен к десяти годам лагерей по статье 58. Срок отбывал на Колыме в системе Дальстроя в химической лаборатории Управления автотранспорта. Перечень изобретений и рационализаторских предложений с 1944 по 1947 гг за время работы в системе Дальстроя в качестве инженера-химика:

- 1) регенерация отработанных маслофильтров,
- 2) заменитель тормозной жидкости,
- 3) заменитель меловой обмазки электродов при сварочных работах,
- 4) химическая очистка алюминиевых и чугунных деталей от нагара.

20 августа 1947 г. Желудев был освобожден. В начале января 1948 года возвращается с Колымы в г. Волуйки Курской области, где работает на разных работах. Далее в автобиографии читаем: «14.09.48 г. приехал

в Ухту в поисках работы по... специальности». Вначале работал на нефтеперегонном заводе, а с 15 января 1949 года – старшим инженером-химиком, организатором и руководителем исследовательской нефтяной группы в ЦНИЛ. В архивных материалах сохранилась производственная характеристика 1955 года, в которой написано: «Желудев А.Н. при организации нефтяной лаборатории ЦНИЛ вложил много своего опыта и проявил большую инициативу, что позволило быстро ввести в строй лабораторию и начать контрольно-аналитические, а затем и исследовательские работы». Им выполнены самостоятельные научно-исследовательские работы, имеющие большое значение для познания геохимического состава нефтей в новых районах. Работы находятся в местных и всесоюзных геологических фондах.

Учитель. Сегодня мы поговорили о судьбах далеко не всех ученых-химиков. Их очень много. Разгулявшиеся репрессии подорвали здоровье, но не сломили волю и желание работать великие умы, и наша задача помнить о них и их заслугах перед наукой.

Вед. 1. Историю, мой друг, нельзя остановить;

Тем более нельзя историю забыть!

Забыв свое «вчера» – предашь грядущий день,

Взрастишь в своей душе невежество и лень...

Ты хочешь есть и ждать?

Тихонечко скулить о том, как тяжело тебе сегодня жить,

С самим собой за мир вступить не смея в бой,

За Светлую Мечту не смея встать горой!?

Чтоб переделать мир – известно, как начать.

Конечно, не всегда случится побеждать,

Но если Гражданин и хочешь смело жить,

Давать тепло и свет, гореть, а не чадить,

Твой выбор небогат – пожалуй в первый ряд!

Да, тем, кто впереди, труднее во сто крат,

Но радость от борьбы и счастье – тоже им!

Ты докажи себе, что можешь быть таким.

Учитель. Память – самое дорогое, что есть в сердцах людей. В жизни бывают моменты, которые невозможно вспоминать без слез. Политические репрессии – одна из самых трагических страниц нашей истории. Но это наша история, и изучение ее – знак памяти и дань уважения невинно пострадавшим.

Литература

1. Крочик М. Несгибаемый // Республика. – 2008. – 26 февр. – URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/6608/>

3. Химия. – 2016. – 21 мая. – № 5 (878). – URL: <http://him.1september.ru/>

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

*Есина М. В.,
преподаватель БПОУ ОПЭК*

Методические рекомендации. В 1991 году решением Верховного Совета Российской Федерации 30 октября был объявлен национальным днем памяти жертв политических репрессий. В этот день у памятных знаков и на местах массовых захоронений собираются бывшие заключенные, их родные и близкие, чтобы почтить память погибших и продемонстрировать твердое намерение никогда не допустить возврата к беззаконию.

День памяти жертв политических репрессий – особенный день. Это печальная дата нашей истории. Оставлять ее без внимания подрастающего поколения нельзя, так как исторический и художественный материал по данной проблеме способствует формированию гражданских качеств личности, активной жизненной позиции, делает возможным становление нравственных основ каждого молодого человека. В то же время это сложная и противоречивая дата – день раскаяния государства перед своим народом, и проводя мероприятия по данной теме, необходимо максимально объективно и исторически обусловлено преподносить любую касающуюся этой темы информацию.

В актовом зале ежегодно с обучающимися СПО проводятся мероприятия, посвященные дню памяти жертв политических репрессий, часы памяти, обсуждаются литературные произведения, посвященные теме последствий режима политического террора для отдельного человека, народа, государства в целом. Нужно как можно чаще рассказывать молодежи правду о сталинских репрессиях, чтобы юное поколение знало эту трагическую историю. Без широких познаний прошлого они не могут знать своих корней, ценить их, а тем более гордиться делами и подвигами предков. Репрессированным надо вернуть доброе имя, реабилитировать их, а выполнять эту работу в дальнейшем сможет только новое поколение, которое, к сожалению, все меньше интересуется историей.

Цель мероприятия. Воспитание интереса к истории своего края и страны через изучение событий, произошедших в период массовых сталинских репрессий в нашей стране и городе.

Задачи:

1. Приобщение обучающихся к примерам мужества и несгибаемости силы характера советских людей.
2. Воспитание гуманности, чувства сопричастности к судьбе своего народа, чувства справедливости.
3. Формирование уважения к военно-историческому прошлому и старшему поколению.

Ход мероприятия

«Память о прошлом – главное
содержание нашего духовного бытия»

О.Я. Стечкин

Преподаватель истории. Добрый день, уважаемые студенты и преподаватели! Наша встреча проводится в День памяти жертв политических репрессий. И начнем мы ее с музыкального видеоролика «Окружи меня молитвами своими» на стихи из письма репрессированного жене, написанные в годы репрессий.

Просмотр видеоролика

Преподаватель истории. Минувшие столетия российской истории отмечены в нашей памяти великими свершениями предков. Они прославили Россию своими беспримерными подвигами, героическим трудом, выдающимися достижениями в науке и культуре. Но в исторической памяти поколений навсегда сохранятся мрачные страницы прошлого, трагические судьбы людей, ставших жертвами государственного террора, политических репрессий, преследований за инакомыслие.

Обучающийся.

Такое страшное было время.
Врагом народа был сам народ.
Любое слово, любая тема...
И по этапу страна... вперед!
Но мы-то помним! Теперь мы знаем.
На всё запреты, на всех печать...
Народ толпой по этапу гнали,
Чтоб было легче им управлять...

Преподаватель истории. В недалеком прошлом наша страна пережила страшный период тоталитарного режима власти Сталина, учинившего массовые репрессии своему народу. А задумывались ли вы, что такое репрессии? От кого пытались защитить общество: от учителей, врачей или от малограмотного крестьянства?

Беседа с обучающимися по значению слова репрессии

Обучающиеся отвечают на вопрос.

Преподаватель истории. Это когда рядовых граждан без вины и следствия работники НКВД тысячами расстреливали и миллионами отправляли отбывать «наказания» в лагеря, незаслуженно назвав их «врагами народа». Особенно страшными для нашей страны были 1937–1938 гг., годы «Большого террора». 2 июля 1937 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) ПБ-51/94 «Об антисоветских элементах».

В его исполнение 5 августа 1937 года издан приказ НКВД СССР № 0044, который положил начало операции массовых чисток. К середине ноября 1938 года без суда вынесено 681 692 смертных приговора, которые были приведены в исполнение немедленно. Более 1,7 млн человек были отправлены в лагеря.

Обучающиеся.

Страницы истории вырвать нельзя,
 Всегда мы помнить их будем –
 Тех, пострадал кто зазря,
 Обидчиков их мы осудим!
 Но вот наступил благодатный сей день,
 Не грустен он, но и не весел.
 Давайте ж, смахнув с лица грусти тень,
 Вспомним мы жертв всех репрессий!

Преподаватель истории. Большую, бесценную работу во имя памяти репрессированных проделали представители омской организации «Мемориал», собрав крупнейший материал для 11 книг. Здесь собраны документальные факты и архивные источники, освещающие репрессии, как по Омской области, так и по всей стране. Нередко можно услышать: там, «наверху», не знали, что творилось на местах. Но ряд документов, представленных в этих книгах, убедительно доказывают: руководство не просто знало, но и планировало масштабы репрессий. На основе документов, содержащихся во 2-м томе «Забвению не подлежит» была представлена эта страшная таблица (табл. 3):

Таблица 3

Репрессии по Омской области с августа по октябрь 1937 года

Протокол	Осуждено человек	Расстреляно человек
1-й от 5 августа 1937 г.	213	144
1–9 протоколы	1664	1241
10-й от 2 сентября 1937 г.	429	317
10–19 протоколы	4388	2955
31-й от 10 октября 1937 г.	1301	937
31–34 протоколы	5812	3627
Всего	17200	11100

Как видим, октябрь дает самое большое число расстрелянных омичей. Поэтому и было установлено дата памяти жертв политических репрессии – 30 октября.

День памяти жертв политических репрессий проходит в России и других бывших республиках СССР ежегодно 30 октября, начиная с 1991 года. В этот день проходят митинги и различные культурные мероприятия, в ходе которых вспоминают о пострадавших от политических репрессий.

Историческая справка

30 октября 1974 года День политзаключенного был отмечен одно- и двухдневными голодовками в Мордовских и Пермских лагерях, а также во Владимирской тюрьме. Такой широте охвата невольно способствовала лагерная администрация, подозревавшая, что нечто готовится, и не нашедшая ничего лучшего, как раскидать «заговорщиков» по разным лагерям. Последним местом, где узнали о Дне политзаключенных, была Владимирская тюрьма.

В дальнейшем День политического заключенного отмечался также голодовками в лагерях. Самое большое количество участников акций протеста в лагерях отмечено в 1981 году, когда в голодовках и забастовках приняли участие около 300 политзаключенных.

С 1978 года общество «Страна и мир» ежегодно публиковало 30 октября «Список политзаключенных СССР». Начиная с 1987 года, День политзаключенного сопровождался демонстрациями в Москве, Ленинграде, Львове, Тбилиси и т.д. Если в первых демонстрациях участвовали десятки людей, то в 1988 году – уже сотни, количество участников «живой цепочки», организованной 30 октября 1989 года общественной организацией «Мемориал» вокруг здания КГБ, составляло уже от 2 до 10 тысяч, а демонстрации состоялись в десятках городов от Калининграда до Иркутска. В 1987–1988 годах демонстрации разгоняли, а их активные участники были арестованы на 15 суток. Позже власти смирились с демонстрациями, в 1990 году представители КГБ даже возложили венок к Соловецкому камню.

В 1991 году решением Верховного Совета Российской Федерации 30 октября был объявлен национальным днём памяти жертв политических репрессий. А 18 октября 1991 года был принят Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Государство признало вину перед гражданами своей страны за преступления большевистского партийно-советского режима.

«...Будущее России и её народа – не в возвращении к прошлому, а в движении вперёд, в упорной и настойчивой созидательной работе. Старшее поколение, пережившее репрессии, помнит это трагическое время. Жертвы политического террора взывают к памяти потомков. Наш долг – восстановить историческую справедливость, оправдать честные имена оклеветанных и безвинно репрессированных граждан России». Это слова из омской Книги Памяти жертв политических репрессий «Забвению не подлежит», создававшейся в течение десяти с лишним лет творческим коллективом редакции по распоряжению губернатора Омской области Л.К. Полежаева (1995 год).

Изданные одиннадцать томов Книги Памяти – потрясающей силы исторический документ, составленный из до боли кратких, всего в несколько строчек, описаний судеб безвинно осуждённых людей: родился, трудился, арестован, осуждён по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР,

расстрелян (выделено жирным шрифтом) либо отбывал наказание... реабилитирован за отсутствием состава преступления. Тридцать две тысячи наших земляков, в алфавитном порядке навечно прописанных на страницах одиннадцати 400-страничных томов! Есть в книге и более подробные очерки о судьбах репрессированных, и документы того времени, и другие материалы.

Обучающиеся.

Всем, кто клеймен был статьею полсотни восьмою,
кто и во сне окружён был собаками, лютым конвоем,
кто по суду, без суда, совещаньем особым
был обречён на тюремную робу до гроба,
кто был с судьбой обручён кандалами, колочкой, цепями,
им наши слезы и скорбь, наша вечная память!

Преподаватель истории. Если посмотреть на развернутой обложке «Книги памяти» карту Советского Союза, она вся испещрена точечками, где были выстроены лагеря для «врагов народа». Миллионы граждан десятилетиями отбывали свое «наказание» и большая часть, конечно, погибла. В 1930-е гг. пострадала каждая 2-я семья. Кресты в местах массового захоронения заключенных по стране установлены тысячами.

30 октября 2009 года в своем обращении в связи с Днем памяти жертв политических репрессий Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев призвал не оправдывать сталинские репрессии, жертвами которых пали миллионы человек. Глава Российского государства подчеркнул, что память о национальных трагедиях так же священна, как память о победе. Президент обратил внимание на тот факт, что на протяжении двадцати предвоенных лет уничтожались целые слои и сословия советского народа.

Было практически ликвидировано казачество. «Раскулачено» и обескровлено крестьянство. Политическим преследованиям подверглись и интеллигенция, и рабочие, и военные. Подверглись преследованиям представители абсолютно всех религиозных конфессий. «Волгой народного горя» называл Александр Солженицын бесконечный «поток» репрессированных в то время.

30 октября – это День памяти о миллионах искалеченных судеб. Места расстрела в Омске удалось установить активистам областного отделения Всероссийского общества «Мемориал», обратившимся к историкам, краеведам и непосредственно в УФСБ. Это Шепелевское кладбище, находившееся по ул. Гусарова (ныне – территория Агрегатного завода им. Куйбышева), пустырь в конце ул. 20 лет РККА (ныне производственные помещения автохозяйства, склады), 150–170 м от ул. Герцена в степи. Сегодня это пространство также застроено. К сожалению, в местах расстрела нет памятных знаков, напоминавших бы о беззакониях сталинского режима.

Обучающийся.

Принесите в этот день венки цветов
На могилы, где лежат репрессий жатвы.
Победила воля к правде и любовь.
И цена была большой у этой правды.
Пусть на памяти всегда они живут,
Чтоб история уже не повторилась.
Мы желаем, чтобы каждый помнил тут:
Мы хотим, чтоб справедливость воцарилась.
Пусть огонь извечной памяти горит.
Не забудем, не обманем, оправдаем.
Мы желаем – пусть надежда победит.
Мы лишь мира на земле навек желаем!

Преподаватель истории. Но на сегодняшний день в нашем городе и области есть места проведения митингов и траурных мероприятий:

1. Огромный камень у здания бывшего УНКВД, ныне УФСБ, установленный в центре Омска 24 ноября 1991 г.

2. Памятник жертвам политических репрессий, куда свезена земля из 56 мест массовых захоронений Омских и других лагерей страны, установленный в центре города напротив Главпочтамта 16 октября 1994 г.

3. Памятный знак в г. Тара, открытый в 2001 г.

4. Памятный знак жертвам Кулая – 8-метровый поклонный крест, установленный в марте 2002 г.

Сибирь издавна являлась традиционным местом ссылки, носящей политический характер. К 10-летней ссылке в Сибирь был приговорен А.Н. Радищев, декабристы, Ф.М. Достоевский и другие выдающиеся личности. Политические ссыльные оказали большое влияние на развитие Сибири, способствовали распространению культуры, просвещения, изучению природных богатств и т. д. Многие из них нашли себе здесь новую родину – и до сих пор в Сибири компактно проживают потомки людей, сосланных ещё в XIX веке.

С началом коллективизации сельского хозяйства и индустриализации в конце 1920-х – начале 1930-х годов, а также укреплением личной власти Сталина репрессии приобрели массовый характер, и направлены были преимущественно против крестьянства.

В нашей области местом высылки раскулаченных были земли на таежной реке Кулай. Кулай – это не лагерь и не тюрьма. Потому что здесь не было зековской колючки и вертухаев на вышке. Болота, болота, тайга на гривах, мелколесье на топких землях. Ни построек, ни дорог. До ближайшего хутора – 10 верст. А только и их не пройти – на единственной тропке, проложенной в топи поставили здание спецкомендатуры. Его не минуешь. В первый же год прибывшие организовали 21 поселок. В июле 1930 г. посмотреть, как обустроились выселенные крестьяне, отправляется комиссия. Она просто в шоке. Более восьми тысяч человек живут

в нечеловеческих условиях. Лошадиная кожа употребляется в пищу в качестве мяса, толченая березовая кора добавляется в муку, в таких же условиях живут дети.

Побег «из-за болота» был практически невозможен, поселения окружали сплошные топи. И кто пытался бежать, погибал. Таких случаев было очень много. Их донесли до нас воспоминания высланных, сохранившихся, в частности, в Тарском архиве Омской области. В память о загубленных в Кулайской ссылке на месте, где некогда стояла комендатура, в 2002 г. установлен Поклонный крест. Машиной добраться к нему можно только по зимнику или долететь вертолетом. У Поклонного креста была отслужена панихида по погибшим в этих местах, возложены цветы. Все, кто побывал там, ощущали гнетущее чувство тоски, страха, безысходности.

Обучающийся:

Здесь осенью порой
Дождик льется не водой,
А слезами по-над хлебом,
Что замешен был с корой.
Между елок и берез
Здесь не бродит Дед Мороз:
На Кулае бродят души
Тех, кто здесь в снегах замерз.
Где кустарник и осот,
Не весна-красна идет,
Лишь скользят несчастных тени,
Что не вышли из болот.
Лето-лето! Травы – в рост!
За погостом рос погост...
И сегодня на Кулае
Мудрый Сталин выше звезд.

Преподаватель истории. Кладбище заключенных ИТК № 8 (ныне – территория Ачаирского Крестового женского монастыря), Омский район Омской области. Колония на 47 километре от г. Омска по Черлакскому тракту существовала со второй половины 1930-х по 1953 г. После расформирования колонии лагерное кладбище было заброшено, а земельный участок, на котором оно находилось, вошел в состав территории, основанного в 1961 г. пос. Речной. Омскими СМИ и краеведами приводятся данные, что за время существования колонии здесь умерло около 200 тысяч заключенных. Захоронения производились в общих рвах, без установки на могилах опознавательных знаков. К телам прикрепляли деревянные бирки с номерами. Мест захоронений было несколько, из воспоминаний старожилов известно, как минимум, три. Одно – в лесу за «Колонским садом» (ныне – территория монастыря). Второе кладбище находилось за оградой зоны, в 2 км от лагеря, за Черлакским трактом. Третье – на территории современного пос. Речной, в районе ул. Школь-

ная. Жители поселка на протяжении десятков лет обнаруживали на своих участках человеческие останки. Часть из них была собрана и помещена в символическую братскую могилу в нижнем приделе храма во имя святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (построен в 1998 г. на территории монастыря). Нижний храм посвящен епископу Сильвестру (Ольшевскому), который умер в 1920 г. в Омской тюрьме от истощения и пыток. В основании креста захоронены останки узников колонии № 8. Воссозданный в 1992 г. монастырь создавался в память жертв сталинских репрессий. Им посвящена главная святыня монастыря – «Сибирская Голгофа» в нижнем приделе церкви Успения Пресвятой Богородицы. На холме у источника установлен крест в память узников ГУЛАГа. Все памятные знаки имеют общий, символический характер, напрямую об умерших в колонии и похороненных в этой земле не упоминается.

Подобных ИТК на территории Омской области существовала не одна:

ИТК-1 – сельскохозяйственная, на ст. Московка.

ИТК-2 – промышленная, фабрика лыж.

ИТК-3 – лесозаготовки, г. Тара.

ИТК-4 – строительство, г. Омск.

ИТК-5, 6 – промышленные, г. Омск.

ИТК-7 – строительство, г. Омск.

ИТК-8 – сельскохозяйственная, пос. Речной.

ИТК-9 – промышленная, на Сибзаводе.

ИТК-10 – строительство, г. Омск.

Обучающийся:

От Омска, Черлакским там трактом,

Едем мы – всё вперёд, не спеша.

Под музыку скорбного такта

Вновь видны берега Иртыша...

Вдали восходящего солнца,

На крутом берегу той реки.

Сверкнут купола, грея сердце,

Раздавая потоки любви...

Успенский Собор вам предстанет

И откроется весь монастырь.

Величие взор не обманет,

Оживили тут храмы пустырь...

Когда-то здесь церкви стояли,

Преклонялся народ всегда им.

Но в двадцать четвёртом – сломали,

И погиб там святитель – скорбим...

И после, в тридцатые годы,

Тут колония стала – ГУЛАГ.

А видели здесь небосводы

Только холод и смерть бедолаг...

Людей только там не стреляли,

Двести тысяч погибли и так.
Есть овсюг и бурду заставляли,
И холодным был тонкий барак...
Глубокие рвы для погибших
Омывал холодком скорбный дождь.
Лишь крест... и цветочков поникших...
Посмотри, но букетик – не трожь!

Преподаватель истории. Коснулись ли вашей семьи политические репрессии, расскажите о родственниках, подвергшихся политическим высылкам.

На завершающем этапе проводится беседа с обучающимися.

Преподаватель истории. Сейчас, открывая старые архивы, документы, списки погибших, с ужасом понимаешь, что такие истории были в семье каждого второго жителя страны. С каждым годом все меньше и меньше остается лиц, для которых слово «репрессия» звучит больно. А большинство сможет узнать о них только из учебника истории, в котором посвящена теме всего одна страница.

Имеющиеся на территории города и области памятники будут вечным напоминанием последующим поколениям россиян о трагическом прошлом их предков и страны. Давайте же будем помнить о тех, кого нет среди живых! И пожелаем друг другу здоровья, долгих лет жизни, обеспеченной старости, благополучия нашим семьям и политической стабильности в обществе!

Обучающийся:

Люди, сквозь призму сегодняшних дней
Помните зверство кровавых вождей.
Их произвол мы не можем забыть.
Нужно его навсегда запретить.
Память замученных в пытках священна.
Память убитых в застенках нетленна.
Где их могилы? Никто нам не скажет.
Пусть на тела их земля пухом ляжет.
Жертвам репрессий с открытой душой.
Провозгласите всевечный покой.
Свечи поставьте, колени склоните
Память о них навсегда сохраните.

Предлагаю почтить память безвинно погибших минутой молчания.

Минута молчания, МЕТРОНОМ.

Преподаватель истории. Дорогие друзья, на этом наша встреча подошла к концу. Мы рады, что этот час вы провели сегодня с нами, ведь никто, кроме нас самих, не сохранит историческую память и не передаст её новым поколениям.

**ИТОГИ V ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА
«ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – ПУТЬ К БУДУЩЕМУ»
(2015 год)**

<i>Категория</i>	<i>I МЕСТО</i>	<i>II МЕСТО</i>	<i>III МЕСТО</i>
Школьники	Забусова Дарья Сергеевна, 10 класс, МБОУ «Марьяновская СОШ № 3»	Шевченко Полина Дмитриевна, 8 класс, МБОУ «Дробышевская ООШ»; Гуралюк Егор Сергеевич, 8 класс, МБОУ «Аксёновская СОШ»	Демиденко Иван, 8 класс; МБОУ «Никольская ООШ»; Сорокина Юлия, 11 класс, БОУ СОШ № 104
Студенты колледжей/вузов	Дорошенко Николай Викторович, студент БПОУ ОО ОПЭК	Аленова Асель Ерсанновна, студентка БПОУ ОО «Омский авиационный колледж им. Н.Е. Жуковского»	Смоль Дмитрий Сергеевич, студент БПОУ ОО ОПЭК
Преподаватели/аспиранты, магистранты	Есина Марина Владимировна, БПОУ ОПЭК Безделева Марина Владимировна, Кайсинская ООШ	Гуралюк Евгения Владимировна, МБОУ «Аксёновская СОШ»; Толкачев Денис Васильевич, БОУ СОШ № 73	Лонский Александр Иванович, МКОУ «Желанновская СОШ»; Шехова Тамара Павловна, БОУ г. Омска «Лицей № 92»

НАГРАДЫ ОРООО «МЕМОРИАЛ» В 2015–2016 ГОДАХ

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ОМСКА

СЕРТИФИКАТ

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА СРЕДИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПО РАЗРАБОТКЕ И ВЫПОЛНЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫХ ПРОЕКТОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ОМСКА

ОМСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«РОССИЙСКОЕ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ И ПРАВООЩИТНОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

ПРОЕКТ:
«МАРШРУТЫ ПАМЯТИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ:
МОРДКОВИЧ ТАМАРА ПЕТРОВНА

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА:
ЛЕВОЧКИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

МЭР ГОРОДА ОМСКА

В.В. ДВОРАКОВСКИЙ

2016 ГОД

Омская региональная общественная организация
по развитию волонтерских инициатив

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО БЛАГОДАРИТ

Левочкину Наталью Алексеевну

за профессиональную помощь в организации и проведении
областного студенческого Форума «Мы молодая Россия!»,
Выражаем признательность за повышение качества участия в
подобных мероприятиях и стремление помочь и поддержать
молодежные коллективы.

Желаем творческих успехов и выражаем искреннюю надежду
на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Президент

О.А.Макушина

Научно-популярное издание

МАРШРУТЫ ПАМЯТИ: от ПРОШЛОГО к БУДУЩЕМУ

Сборник статей школьников, студентов,
преподавателей, посвященных памяти жертв
политических репрессий

Ответственный редактор Н.А. Левочкина

Редактор, корректор Т.П. Мордкович

Дизайн, верстка Н.В. Галашов

Корректурa А.Ю. Углирж

Подписано в печать 05.10.2016.
Тираж 100 экз. Заказ № 475. Формат 60×84/16.
Бумага 80 г/м². Печать оперативная.
Издательство ИП Загурский С.Б.
г. Омск, ул. Лермонтова, 8.
Тел. (3812) 31-12-77, 31-35-75.
E-mail: 311277@inbox.ru

Историю, мой друг, нельзя остановить;
Тем более нельзя историю забыть!
Забыв свое “вчера” – предашь грядущий день,
Взрастишь в своей душе невежество и лень...
Ты хочешь сесть и ждать? Тихонечко скулить
О том, как тяжело тебе сегодня жить,
С самим собой за мир вступить не смея в бой,
За Светлую Мечту не смея встать горой!?
Чтоб переделать мир – известно, как начать.
Конечно, не всегда случится побеждать,
Но если Гражданин и хочешь смело жить,
Давать тепло и свет, гореть, а не чадить,
Твой выбор не богат – пожалуй в первый ряд!
Да, тем кто впереди труднее во сто крат,
Но радость от борьбы и счастье – тоже им!
Ты докажи себе, что можешь быть таким.

*Память – самое дорогое,
что есть в сердцах людей.
В жизни бывают моменты, которые
невозможно вспоминать без слез.*